

ЗЛАТА РОМАНОВА

Горничная **ТАРХАНА**

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Злата Романова
Горничная Тархана

«Автор»

2023

Злата Романова

Горничная Тархана / Злата Романова — «Автор», 2023

После развода мой хозяин почему-то решил, что горничная – лучшее отвлечение от неудавшегося брака. Моего мнения никто не спрашивает, ему плевать, что я боюсь и ненавижу его. Упрямый тиран просто не хочет сдаваться, желая заполучить то, на что положил глаз, ведь Тархан Давыдов привык добиваться своего любыми способами.

© Злата Романова, 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	32
Глава 9	36
Глава 10	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Злата Романова

Горничная Тархана

Глава 1

– Ты даже не можешь отличить Гуччи от Элизабеты Франчи! – кричит на своего мужа наша хозяйка.

– Франки, а не Франчи, – бормочу я себе под нос, но Лида слышит и хихикает.

Мы переглядываемся и продолжаем чистить окна в огромной гостиной, делая вид, что ничего не происходит, пока хозяева дома, в котором мы трудимся горничными, продолжают ссориться, не обращая внимания на открытую дверь в столовую и подающего им еду мажордома, давно привыкшего притворяться глухим и слепым.

– Да клал я на твоих Гуччи, большой и толстый! – рычит на жену хозяин и меня пробирает дрожь от его страшного голоса, в то время, как Лида замирает и пошло облизывается.

Я давно заметила, как она реагирует на проявления агрессии Тархана Артуровича и мне каждый раз хочется одернуть ее, вбить в глупую голову, что от таких мужчин нужно держаться подальше, но она не оценит, так что я молчу.

– Ты на всех клал, а в первую очередь на меня! – истерично визжит Карина Васильевна. – Ненавижу тебя! Ты мне всю жизнь испортил!

– А ты мне мозг ебешь каждый день, но я же терплю! – не остается в долгу хозяин.

Карина Васильевна начинает показушно рыдать. Из гостиной мне ее не видно, но я ясно могу представить, что она сейчас приняла самую несчастно-трогательную позу и красиво размазывает слезы по щекам, так как случается такое довольно часто.

– Если бы я выбрала тогда Митю, а не тебя, то жила бы сейчас совсем по-другому! – причитает она. – Он бы сделал меня счастливой! Митя по-настоящему любил меня, не то, что ты!

– Да, жила бы в глуши и в глаза не видела своих Гуччи, – насмехается над ней Тархан Артурович.

– С милым рай и в шалаше, – заявляет, громко всхлипывая, хозяйка, вызывая громогласный хохот своего мужа.

– Ну-ну, – отвечает он. – Прекращай рыдать и иди готовься. У нас мало времени.

– Ах, вот значит как?! Ты еще думаешь, что я с тобой куда-то поеду? Бессердечный, циничный урод! Тебе совсем плевать на мои чувства! Все, с меня хватит, Давыдов! Иди к черту!

– Карина! – рычит хозяин, но судя по цоканью каблучков, его истеричная жена уже убежала.

– Я бы с ней развелась, ей-Богу не понимаю, как он ее терпит! – злорадно говорит Лида.

– Любит, – указываю ей на очевидное.

Потому что ссорятся хозяева часто, но потом всегда мирятся. Несмотря на свой взрывной темперамент, Тархан Артурович жену не обижает, если только словами, но все равно видно, как он ее любит. Да и балует сверх меры.

– Налей-ка мне на дорожку, Жора, – слышится бас хозяина и я не могу сдержать улыбку при мысли, что хоть ему позволено обращаться к нашему напыщенному мажордому так фамильярно. Для всех остальных тот настаивает, чтобы его называли исключительно Георгий.

– Повезло, что на этот раз ничего не разнесли, – шепчет мне Лида.

– Да, мне всегда до слез жалко коллекционную посуду, – соглашаюсь я.

Что уж тут поделывать, я любитель прекрасного. Сама одеваюсь в масс-маркетах, работаю прислугой, а в душе мечтаю о карьере дизайнера, слежу за миром моды и вечерами рисую наряды, которые никогда не будут сшиты даже для себя любимой, потому что мне и на ткань такую не заработать. Не с большим кредитом за плечами, который мы взяли на имя мамы, но на погашение которого уходит почти вся моя зарплата горничной в этом доме.

– Вот не понимаю я, за что он ее любит! – снова возвращается к своей излюбленной теме Лида. – Она же старая.

– Она его ровесница, что ты такое говоришь, – неодобрительно смотрю на нее.

Лида фыркает и закатывает глаза.

– Честное слово, Альбин, ты меня иногда поражаешь. Я понимаю, что у них любовь со школы, все дела, но время-то прошло и обстоятельства изменились. С теми деньгами, что у него есть, Тархан может позволить себе развестись и откупиться от этой потасканной истерички. Да за него любая молодуха ухватится! Может, наконец, и отцом его сделает, а то мужику тридцать шесть лет, а его жена о детях даже говорить не хочет. Я сама слышала, как он ей предлагал. Эта дура сразу начала истерить и говорить что-то о своей идеальной фигуре. Предложила суррогатное материнство, а он ее послал, как сегодня. Так разозлился, что ух! У меня дух захватило.

– Нехорошо это, Лид, – пытаюсь снова уйти от обсуждения хозяев. – Если кто-то услышит, то нам влетит или вообще уволят. Мне нельзя лишаться этой работы, так что не говори мне больше про личные дела хозяев, ладно?

– Как будто мне работы лишиться можно! – возмущается Лида, но и правда замолкает, бросая на меня раздраженный взгляд.

Если честно, я не понимаю ее. Как можно вот так вот исходить злобой? Да, Карина Васильевна очень раздражающая женщина, но хозяин ее любит, к тому же, ей ни за что не дашь больше тридцати, как бы не злословила Лида. Наша хозяйка очень эффектная женщина, высокая жгучая брюнетка с красивым от природы лицом и шикарной фигурой, которой она уделяет много времени. И хотя у нее откровенно плохо со вкусом, этот недостаток сглаживает личный стилист, который подбирает ей большинство образов.

– Альбина, подойди! – зовет меня Георгий из столовой и бросив тряпку в ведро, я быстро иду к нему, невольно робея при виде хозяина, который все еще сидит за обеденным столом со своим любимым бурбоном в руках.

Я всегда чувствую себя не в своей тарелке в его присутствии. Тархан Артурович очень большой и физически сильный мужчина. К тому же с тяжелой энергетикой, которая затрагивает любого, кто находится рядом с ним. У него грубые черты лица, смуглая кожа и иссиня-черные волосы. На лице густая растительность, нос большой, а глаза какие-то дикие. Да и голос низкий, пугающий. Такой любого способен запугать одним своим видом и я не исключение. На моей памяти, я за все время работы в этом доме лишь один раз осмелилась прямо встретить его взгляд, да и то длилось не дольше секунды.

– Слушаю вас, – говорю робко, глядя лишь на мажордома.

– Тархан Артурович, думаю, Альбина сможет вам помочь, – говорит Георгий, приводя меня в ужас.

С чем помочь? Я? Хозяину? Мамочки!

– Уверен? – с сомнением тянет Тархан Артурович, оглядывая меня с ног до головы. Я почти физически чувствую его тяжелый взгляд, хотя сама боюсь поднять свой выше его носа. – Она же горничная.

– У Альбины исключительный вкус, – говорит Георгий, шокируя меня своим неожиданным комплиментом, если так можно назвать его признание хоть одного моего достоинства.

– Ну ладно, посмотрим, – говорит хозяин, протягивая мне свой телефон. – Бери, выбирай.

– Что выбрать? – тупо хлопаю глазами, нерешительно забирая большой телефон и при этом стараюсь даже случайно не задеть его пальцы.

– Браслет, серьги, да что угодно, что может понравиться моей жене! – рявкает все еще злой из-за ссоры мужчина. – Что там сейчас самое модное? То и бери.

– Х-хорошо, – сглатываю я, листая каталог частного ювелирного магазина. – Это хороший магазин, но здесь мало брендовых изделий, – после быстрого просмотра говорю хозяину. – Думаю, Карине Васильевне понравилось бы ожерелье от Диор. Ее подруга Диана Павловна недавно купила такое, но есть вариант подороже.

– Черт, а ты хорошо ее изучила! – с удивлением смотрит на меня Тархан Артурович. – Утереть нос Дианке? Да я двойной подарок ей делаю, покупай быстрее!

– Оно стоит больше миллиона, – предупреждаю тихо и он в ответ смотрит на меня так, словно я сморозила глупость.

– Да хоть пять, бери, давай! И сделай мне скрин чека, должен же я вытащить ее сегодня на этот ебанный прием, а новую цацку не успеют так быстро доставить.

Я совершаю покупку, довольно быстро найдя бутик, где оно есть в наличии, и сделав скрин, отдаю телефон обратно хозяину. Он тут же встает и выходит из комнаты, даже не поблагодарив меня, а Георгий суровым голосом отправляет меня обратно домывать окна.

– Что он хотел? – шепчет мне любопытная Лида.

– Ничего, мелочь, – шепчу в ответ, не желая провоцировать ее очередную завистливую речь в сторону хозяев.

И как раз в этот момент, благодаря распахнутым окнам, мы слышим восторженный визг Карины Васильевны с верхнего этажа. Видимо, подарок улучшил ее настроение, потому что уже через какое-то время они с мужем спускаются из спальни, одетые в парадную одежду – смокинг и вечернее платье в пол. Видимо, прием ожидается действительно шикарный.

Я невольно тоже, как и Лида, начинаю завидовать, но не положению жены богатого мужчины, конечно, а просто возможности красиво одеться и поблистать в обществе. Никогда такого не делала, лишь видела в фильмах, и скорее всего мне на таком мероприятии было бы скучно, но хочется хоть раз проверить на себе и испытать это.

– Я просто умираю, как хочу этого зверя! – выдыхает Лида рядом со мной, провожая взглядом широкую спину Тархана Артуровича, и меня передергивает.

Нет, я хоть и не имею особого опыта, но могу понять влюбленность, влечение к кому-то, однако, чтобы вести себя, как Лида? Она ведь не только за спиной смотрит на хозяина с такой неприкрытой похотью. Я не раз видела, как она пыталась лишний раз «случайно» прикоснуться к нему, беззастенчиво строила глазки и оголяла декольте на грани приличия. Тархан Артурович просто игнорирует ее, словно не замечая этих ухищрений, но Лиду его безразличие, кажется, лишь еще больше заводит. Вот что за женщина, а? Я просто сгорю от стыда, если один из ее пошлых комментариев, обращенных ко мне, услышит Карина или Тархан. Да хоть Георгий! Они же подумают, что я поддерживаю ее! Нет, мне лучше дистанцироваться от нее ради своего же блага и пресечь любые сплетни о хозяевах.

Глава 2

– Георгий, можно я возьму выходной в пятницу? – своим самым заискивающим тоном просит Лида мажордома, пока он пьет свой вечерний кофе на кухне.

Наш повар Наташа – самый приятный для меня человек среди рабочего персонала, занята мытьем плиты, пока я разгружаю посудомоечную машину. Услышав просьбу Лиды, мы обе напрягаемся, потому что в пятницу хозяева ждут гостей, а значит, работы для нас будет больше.

– Нельзя, ты забыла, что мы принимаем гостей? – осаживает нахалку Георгий и мне хочется обнять его за это.

– Но их же будет всего два человека! – ноет Лида. – Вы сможете прекрасно справиться и без меня, ну мне очень надо, Георгий! У меня тетя из Ростова приезжает, всего на один день. Ну пожалуйста, не отказывай!

– Тогда спроси Альбину, готова ли она выполнять за тебя всю работу, – сливает ее на меня Георгий и Лида тут же подбегает ко мне, глядя щенячьим взглядом.

– Альбиночка, пожалуйста, не отказывай! – умоляет она, хватая меня за руку. – Я потом что угодно для тебя сделаю, обещаю!

– Обсудим это позже, – говорю я, не желая спорить с ней при свидетелях.

Что-то мне не верится в историю с тетей, Лида явно хочет слинять, чтобы пройтись по магазинам или на очередное свидание. Я хорошо ее изучила за тот год, что мы работаем вместе.

– Ладно, попьем вместе чайку перед сном, – подмигивает мне она, очевидно думая, что мое согласие уже у нее в кармане. – Я пока пойду, приберусь в ванной Карины. Чуть не забыла об этом, она меня со свету сживет, если вернется и увидит этот беспорядок.

– Карины Васильевны, Лида, – одергивает ее Георгий. – Сколько раз повторять, что даже наедине ты не можешь фамильярничать? Тебе не приходит в голову, что однажды хозяева могут тебя услышать?

– Прости-прости, я забыла! Все, побежала, пока они не вернулись, – быстро исчезает Лида, оставляя нас втроем.

– Не соглашайся, она наверняка просто хочет уйти от лишней работы, – вполголоса предупреждает меня Наташа, косясь на Георгия, который на нас даже не смотрит, уткнувшись в свой планшет.

– Я тоже так думаю и не собираюсь ей уступать, – успокаиваю ее.

В прошлый раз, когда хозяева принимали гостей, Наташе пришлось мне помогать, хотя у нее и так много дел на кухне, из-за того, что Лида, якобы, приболела. Больше я такого не допущу.

Позже, когда хозяева возвращаются со своего мероприятия, Георгий просит меня отнести кофе в кабинет. Я немного задерживаюсь, потому что дурацкая кофемашинка дает небольшой сбой, но когда латте для Карины Васильевны и эспрессо для Тархана Артуровича готовы, то беру поднос и надеюсь не нарваться на недовольство из-за задержки, осторожно стучу в кабинет. Услышав неясный женский возглас, решаю, что меня зовут войти и открываю дверь, однако моим глазам открывается совершенно безумная картина – голый мужской зад, яростно двигающийся взад-вперед, вдалбливая стонущую женщину в подлокотник кресла. Это же голая задница хозяина, а стонет его жена!

Меня настолько поражает это не предназначенное для чужих глаз зрелище, что поднос просто выскальзывает из ослабевших рук, создавая грохот, слишком громкий, чтобы даже стонущие люди, занятые животным сексом, его услышали. Я глупо и по-детски прикрываю ладонями глаза, лепеча извинения, вместо того, чтобы уйти, слишком шокированная и не способная думать.

– Простите, пожалуйста, я не хотела! Я не знала! – повторяю снова и снова, находясь на грани слез от смущения и страха.

– Вон! – слышу грозный рык Тархана Артуровича, но оцепенение не отпускает и до меня не сразу доходит команда. – Ты, блядь, оглохла?! Дверь закрыла с той стороны, живо!

Наступая на осколки чашек подошвами удобных для работы балеток, я выбегаю за дверь, громко захлопывая ее за собой, и не останавливаюсь, пока не вбегаю на кухню, задыхаясь от слез и паники.

– Ты чего? – округлившимися глазами смотрит на меня зашедшая следом Лида. – Альбина, не пугай меня! Почему ты плачешь? Что случилось-то?

И тут я сбивчиво рассказываю ей, чему свидетелем только что стала, постепенно успокаиваясь и переставая плакать, потому что первый шок прошел.

– Блин, ну ты даешь! – качает головой Лида, усмехаясь. – И из-за этого так истеришь? Вряд ли тебя уволят, успокойся.

– А я уверена, что уволят, – шмыгаю носом. – Ты бы видела, как разозлился Тархан Артурович. Он точно мне этого не простит.

– Еще бы он не разозлился, ты же прервала их в процессе, а он все-таки мужчина, – морщится Лида. – Но я все равно думаю, что, если извинишься, он тебя простит. Ты же год здесь работаешь без единого замечания, не может же он уволить тебя за одну ошибку!

– Я всего лишь горничная, мне легко найти замену, – не разделяю ее оптимизма. – Блин, ну что я за дура! Нужно было снова постучать и дождаться вразумительного ответа.

– Так, хватит, успокаивайся уже, – вздыхает Лида. – Завтра с утра первым делом извинись и посмотрим. Готова поспорить, что никто тебя не уволит. Ну же, не вешай нос! Давай лучше попьем чаю, тебе я заварю ромашку. Лучше ночью спать будешь.

– Не хочу, Лид. Я вообще ничего не хочу. Подожду тут час и если никто меня не позовет, то пойду к себе.

– Ты зря так заморачиваешься, ну да ладно, я с тобой тут посижу. Хотя вряд ли Тархан захочет с тобой говорить сегодня, раз уж они с женой мирятся, наверняка до утра будут заняты. Повезло же этой стерве! Кстати, а ты успела заценить, как он оборудован?

– Чего? – не сразу понимаю ее вопрос, а потом заливаюсь краской. – Боже, Лида, нет! И слава Богу! Как ты вообще можешь о таком спрашивать?

– А что такого? – совершенно не смущается она, задумчиво накручивая на палец прядь белокурых волос и явно думая о чем-то непристойном, судя по поплывшему взгляду. – Я бы хотела хоть разок посмотреть, как Тархан выглядит без одежды. Наверняка он везде пропорционален. Зверь, а не мужчина!

– Лида! Не хочу этого слышать, так что держи свои фантазии при себе! Все, я уйду, – встаю со стула. – Ты права, вряд ли меня вызовут на ковер ночью, так что нет смысла тут сидеть. Спокойной ночи!

– Ну и иди, зануда, а я чай все же попью, – говорит мне вслед Лида.

Уходя к себе, я как никогда рада, что у каждой горничной в этом доме своя, хоть и маленькая, но отдельная спальня. Жить с ней в одной комнате было бы невыносимо, потому что она говорила бы о нашем хозяине первым делом с утра после пробуждения и ночью перед сном. Б-р-р-р! И почему она так им одержима, учитывая, что он на самом деле не блещет ни красотой, ни харизмой, да к тому же еще и женат?

Проснувшись утром, я все еще чувствую тревогу в сердце. Наш хозяин – человек резкий и ошибок не прощает. Я уже уверена, что сегодня меня уволят, и сдерживать отчаяние очень трудно, но я собираюсь, как и каждое утро, облачаясь в униформу и собирая свои длинные каштановые волосы в косу, а потом скручивая ее в тугий узел на затылке.

Наша хозяйка строга в отношении внешнего вида персонала. Горничные обязаны носить уродливое темно-серое платье до колен свободного кроя, не стесняющее движений, а главное, скрывающее очертания привлекательной женской фигуры. На ногах строго балетки, тоже выбранные хозяйкой, как часть униформы, волосы должны быть собраны в пучок, а на лице никакой косметики. Учитывая, как щедро нам платят, это условия, которые мы соглашаемся соблюдать, хотя Лида постоянно пытается как-то выделить свою красоту и обойти правила.

Полностью одевшись, я смотрю на себя в зеркало в последний раз и наклонившись поближе, убираю упавшую ресничку со щеки. Невольно вспоминаю, как Карина Васильевна при приеме на работу потребовала у меня впредь не наращивать ресницы, потому что это выглядит пошло, и как скривился ее рот, когда я сказала, что это мои натуральные и ничего с ними я сделать не могу.

Я не настолько наивна и понимаю, почему она так стремится сделать нас незаметными. Дело не в ревности, уж она-то не хуже нас знает, что Тархан Артурович не посмотрит лишний раз на прислугу, дело в банальной женской зависти. Она и со своими подругами такая, хоть и пытается завуалировать свои реакции. Конкуренцию Карина Васильевна не терпит и в любом помещении хочет быть единственной красавицей, на которую смотрят окружающие.

На глаза невольно наворачиваются слезы, когда я понимаю, что даже несмотря на требовательную и капризную хозяйку, хочу остаться в этом доме.

– Не родись красивой, а родись счастливой, – повторяю любимую присказку мамы с грустной улыбкой.

Да, мы с ней обе красавицы, с одинаковыми миндалевидными карими глазами, обрамленными пушистыми ресницами, аккуратными носиками и красивыми губами. Несмотря на тяжелую жизнь, мама и в сорок три выглядит шикарно, вокруг нее всегда вьются мужчины, но не один из них так и не принес ей счастья. А еще... Она слишком похожа на Карину Васильевну, когда речь идет о женской конкуренции, даже с родной дочерью. Не представляю, как смогу вернуться в нашу квартиру и снова жить с ней, когда за прошедший в этом доме год, наконец, смогла вздохнуть свободно, без обидных упреков и надуманных претензий от самого родного человека.

– Ты сегодня встала позже меня, я глазам своим не верю! – приветствует меня Лида на кухне, где мы все вместе собираемся за завтраком перед началом трудового дня.

– Всем доброе утро! – здороваюсь я, садясь за стол.

Георгий просто кивает, он всегда немногословен, а Наташа протягивает мне тарелку с кашей, которую я обычно ем по утрам. После завтрака я иду накрывать на стол хозяевам, ожидая, что меня вот-вот вызовут в кабинет, но ничего не происходит. Когда Тархан Артурович спускается и садится за стол, разговаривая с кем-то по телефону, у меня начинают дрожать руки от волнения.

– Кофе? – спрашиваю едва слышно, на что он резко кивает.

Георгий редко прислуживает за столом, только если просят лично его, ведь он на ранг выше нас всех, и сейчас я очень жалею, что вместо меня не попросили позвать его. Хозяин завершает свой звонок и кладет телефон на стол, обращая взгляд своих жутких глаз на меня. Ставлю дребезжащую из-за моей дрожащей руки чашку перед ним и громко вскрикиваю от удивления, когда твердые пальцы крепко сжимаются на моем запястье.

– На первый раз прощаю, так что перестань трястись, пока не опрокинула что-нибудь на меня, – с неожиданным юмором в голосе говорит Тархан Артурович, глядя на меня из-под густых бровей. – Но ты должна запомнить, что всегда нужно стучаться, прежде чем войти в мой кабинет.

Он отпускает мою руку и я делаю шаг назад, чувствуя, как горит кожа в том месте, где он прикоснулся. По шее ползут неприятные мурашки и я глубоко вдыхаю, глотая неуместную гордыню, прежде чем извиниться.

– Простите меня.

– Прощаю, – милостиво усмехается хозяин, указывая на омлет. – Давай поживее, я не хочу опоздать.

Я продолжаю уже спокойнее обслуживать его, уверяя себя, что правильно сделала, не став оправдываться и говорить, что всегда стучусь, это просто они меня не услышали. Нельзя доказывать хозяевам их неправоту, а оправдания Тархан Артурович терпеть не может. И пусть с каждым днем работы на этих людей я теряю по кусочку собственного достоинства, дома у меня сохранить его не выходило вовсе, так что Давыдовы – меньшее из двух зол, к тому же, они еще и щедро платят. Любой каприз за ваши деньги, как говорится.

– Ну, что он сказал? Не уволил же, правда? – набрасывается на меня на кухне Наташа, которой Лида успела рассказать о вчерашнем.

– Нет, на первый раз простил, – улыбаюсь я, порывисто обнимая ее от радости. – Никуда я пока не уйду от вас, Наташ. Только стучаться теперь буду по три раза, а то мало ли.

Мало. К сожалению, я совершаю ту же ошибку уже через несколько дней, просто, на этот раз, никто сексом в комнате не занимается. Все обстоит даже хуже.

Глава 3

– Почему она не может остановиться в отеле? Или сними для нее квартиру!

– За девочкой нужен присмотр, Карина, и именно поэтому Макс отправляет ее ко мне. Она будет жить с нами. Точка.

Хозяева снова спорят за столом, не обращая на меня внимания, словно я вообще не существую.

– Она тебе даже не родственница! – звенит от возмущения голос Карины Васильевны.

Тархан Артурович начинает довольно ухмыляться.

– Так вот в чем дело! Ты ревнуешь. Брось, Карин, даже если не по крови, родня – это родня.

– Значит, не будь она членом семьи, это что-то изменило бы? – по-своему понимает его слова ревнивая жена. – Видела я эту Лиану, тебе всегда такие и нравились!

– Когда это всегда? – фыркает Тархан Артурович. – Мы вместе со школы, Карина, и за все эти годы я тебе ни разу не изменил.

– А как же эта стерва Таня? Думаешь, я забыла, какими глазами ты на нее смотрел? Ты можешь сколько угодно заявлять, что между вами ничего не было, но я в это не верю. Я не дура, Тархан, так что не надо вешать мне лапшу на уши. Не изменял он! То, что я об этом не узнала – не значит, что этого не было!

Я едва сдерживаю желание закатить глаза на эту бессмысленную истерику и переложив с тележки на стол последнюю тарелку, с облегчением выдыхаю, направляясь к выходу. Мне неинтересно слушать очередную ссору семейной пары.

Вечером, когда я заканчиваю мыть гостевой санузел на втором этаже, в комнату вбегает взволнованная Лида.

– Альбинка, ты не поверишь! – задыхаясь от бега, широко улыбается она. – Карина сваливает!

– В смысле?

– В прямом! Она позвала меня и я лично упаковывала ее вещи в чемоданы.

– Может она едет в гости к маме? – не верю я в то, что Карина Васильевна решила уйти из дома.

– С тремя огромными чемоданами? Да нет же! Они с Тарханом сегодня поскандалили и все – расстались. Она его бросает. Нет, ну надо же! Я такого поворота точно не ожидала, но все, что не делается – к лучшему. Давно пора было!

– Тише! – шиплю на нее, со страхом оглядываясь на приоткрытую дверь. – Тебя любой может услышать, Лида, совсем что ли мозги вытекли?

Лида выглядывает и убедившись, что в коридоре никого нет, плотно закрывает дверь.

– Ладно, я шепотом. В общем, это мой шанс, понимаешь? Мужики, они после ссоры или разрыва находятся в том состоянии, когда можно брать их горяченькими. Мне бы лишь разок попасть к нему в кровать и все – дело сделано, считай.

– Лида! – не знаю смеяться или плакать от ее глупости. – Включи голову, ты рискуешь своим местом!

– Без риска не бывает побед, Аля. Вот буду, как ты, бояться сделать лишний шаг и проворною свое счастье. Нельзя же вечно бояться потерять работу и ничего не предпринимать. Я потом всю жизнь буду жалеть, что упустила свой шанс!

– Лид, не глупи, – прошу ее, взглядом умоляя одуматься. – Он не похож на человека, который клонет на любую красотку. Тархан Артурович любит ее, как ты этого не видишь? Он нас с тобой никогда даже лишним взглядом не одаривал, с чего ты взяла, что теперь что-то изменится?

– Ничего ты не понимаешь, – вздыхает она, глядя на меня, как на полную дуру. – Мужик – он и в Африке мужик. Вот увидишь, скоро я займу ее место! А ты так и будешь туалеты мыть, если не начнешь думать и пользоваться тем, чем тебя Бог одарил! Все, я пошла наводить марафет.

Она выходит, задрвав нос, словно уже воображает себя новой хозяйкой, а мне хочется побиться головой о стенку от стыда за нее. Вот что за дурочка, а? Еще и меня поучает. По крайней мере, я попыталась привести ее в чувство, так что не должна чувствовать вину за то, что не остановила ее, но на душе все равно мерзко от плохого предчувствия.

Карина Васильевна и правда покидает дом, делая из этого настоящее представление. Она собирает всю прислугу в холле, как в каком-то фильме, и с гордым видом толкает десятиминутную речь о том, как хорошо мы служили этому дому и как ей тяжело с нами расставаться. Ха!

Ее взгляд при этом все чаще устремлен в сторону кабинета, в котором заперся отвергнутый муж, но тот даже не выглянул ни разу. Если она надеялась, что он униженно придет просить ее остаться, то даже я, знающая его всего год, уже понимаю, что этого не будет. Тархан Артурович слишком гордый человек и никогда не ведется на манипуляции. В конце концов, Карина Васильевна все же уходит, громко цокая каблуками великолепных туфелек от Версаче, а Георгий говорит нам возвращаться к своим делам, так что я сбегая от полной энтузиазма Лиды, пока она снова не начала делиться со мной своими планами.

Вечером Лида куда-то исчезает, так что я даже думать боюсь, чем она занята. Когда Георгий просит меня отнести поднос с ужином для хозяина в кабинет, я громко стучусь и не услышав ответа, делаю это снова. И снова. Прислушиваюсь, но не услышав ни единого звука за дверью, решаю зайти и оставить поднос на столе.

Очень глупое решение.

Потому что, как только я открываю дверь, то в глаза сразу же бросается стоящий у камина хозяин и Лида, которая сидит у его ног, глядя на него, как голодающий на кусок мяса. Они оба оборачиваются ко мне и глаза Лиды немного расширяются, но она продолжает униженно сидеть на коленях, пока Тархан Артурович безразлично стоит, сложив руки за спиной.

– Продолжай, почему ты остановилась? – недовольно приподнимает он бровь, глядя на ожидающую Лиду, и, к моему ужасу, та опускает голову, медленно склоняясь над его ботинками и прикасаясь к ним губами, словно это предел ее мечтаний.

Она буквально целует его обувь, да с таким энтузиазмом, словно это как минимум его губы!

Меня просто мутит от этой отвратительной картины. Как так можно? Неужели Лида настолько отчаялась, что готова целовать грязные ботинки, стоит ему только приказать?

– Чего встала? – злобно смотрит на меня хозяин, пока я пытаюсь прийти в себя от шока и отвращения. – Давай, присоединяйся к своей подружке, пока вторая нога свободна.

Мне хочется бросить в него подносом, но даже в таком унижительном положении я робею перед хозяином, потому что аура Тархана Артуровича подавляет и пугает даже в спокойном состоянии, а в данный момент он просто исходит злобой. Черные, как у черта, глаза, практически прожигают во мне дыру своим взглядом, а мощные ручища сжаты в кулаки так сильно, что я даже с расстояния в несколько метров вижу, как сильно выделяются напряженные вены на смуглой коже его мускулистых предплечий. Если он, вдруг, решит применить физическую силу, то мы с Лидкой, считай, обе покойницы. Страх берет надо мной верх и вместо того, чтобы достойно ответить ему, я с отчаянием смотрю на Лиду, надеясь, что она образумится.

– Лида, пойдем со мной, пожалуйста! – умоляю ее, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы от творящейся несправедливости.

Как он вообще смеет так обращаться с женщиной, так унижать ее? Это каким же нужно быть гнилым человеком!

– Уйдешь с ней? – издевательски ухмыляется Тархан Артурович, глядя на Лиду, как на какую-то дворняжку. – Твоя пугливая подружка не хочет к нам присоединиться, но мы ведь прекрасно проведем время и без нее, да?

– Да, Тархан Артурович! – с придыханием льнет к его ноге Лида, переворачивая что-то в моей груди. – Я доставлю вам такое удовольствие!

– В твоих мечтах, шлюха! – резко выплевывает он, отталкивая ее от себя с такой силой, что Лида просто расплывается на полу, растерянно глядя на него большими глазами.

Мне больше не хочется ни помочь ей, ни видеть, что произойдет дальше. Я просто хочу исчезнуть, сбежать и никогда больше не вспоминать об этой грязи, этом унижении человеческого достоинства. Поставив дрожащий в моих ослабевших руках поднос на маленький столик рядом с дверью, я собираюсь сбежать, но жесткий приказ хозяина заставляет меня замереть на месте, как вымуштрованного солдата.

– А ну стоять! Я не разрешал тебе уйти. Вы обе сейчас внимательно слушаете то, что я скажу, а потом ты – с презрением смотрит он на Лиду, – уволена и можешь выметаться к чертовой матери. А ты, – переводит он взгляд на меня, – получишь последнее предупреждение.

– Тархан Артурович, пожалуйста! – снова вцепившись в его ногу, начинает плакать Лида. – Не увольняйте! Я сделаю все, что скажете, только не увольняйте!

– Руки убрала, – с такой холодной яростью приказывает он, что у меня мурашки бегут по спине от ужаса. – Прекрати меня, блядь, трогать и слушай своими ушами, идиотка! Чтобы я ни одного неуважительного слова в адрес своей жены не слышал, понятно вам? И передайте это остальному персоналу! Вы даже думать о ней плохо впредь не должны сметь! А ты вообще должна радоваться, что я просто уволил тебя, вместо того, чтобы вырвать твой грязный язык, шкура! А ну пошли вон!

Мне не нужно повторять дважды. Я инстинктивно бегу на кухню, к Наташе, потому что мне жизненно необходимо присутствие другого человека рядом, чтобы не скатиться в истерику от произошедшего. Чувство гадливости и стыда заставляет меня хотеть содрать с себя кожу, хотя, по сути, моей вины ни в чем нет, даже то, что меня унизили вместе с Лидой не так остро воспринимается, как их с Тарханом Артуровичем поведение и слова.

Я знала, что Лида не слишком гордая девушка, но, чтобы опуститься настолько? Моя душа просто не в состоянии это принять, хотя мозг холодно заявляет, что нечего ожидать от других людей тех же принципов, которым следую я сама. А хозяин? Я ведь никогда не думала о нем плохо, несмотря на его грубость, а он оказался таким моральным уродом. Как мне после такого продолжать работать на него? Он же унизил меня, унизил Лиду, а я и слова против не сказала, чтобы защититься, молчала и принимала все, как бессловесная рабыня. Продажная шкура, которой он считает и меня, и весь персонал, судя по всему.

– Альбина, что? – увидев меня, пугается Наташа, прижимая руки к груди. Видимо, видок у меня еще тот. – Что случилось?

Но я не успеваю ответить, потому что вслед за мной на кухню вваливается ревущая Лида, которая бросается на шею Наташе, еще больше пугая бедняжку.

– Я же сейчас с ума сойду, в чем дело?! – в панике кричит Наташа, прижимая к себе Лиду.

– Ничего смертельного, Лиду просто уволили, – беру себя в руки, потому что с двумя истеричками наш бедный повар не справится. – Хозяин очень злой, напугал нас до полусмерти.

– Господи, что же ты натворила-то? – спрашивает она Лиду, которая только еще громче воеет, вцепившись в нее, как репей. – Лида, я сейчас упаду! Отпусти меня и объясни, наконец, в чем дело! Я тебе сейчас успокоительные капли дам.

Лида, как ни странно, прислушивается, и выпустив ее, падает на ближайший стул, продолжая всхлипывать и краснея все больше с каждой минутой. Я тоже сажусь, потому что ноги не держат, и когда Наташа протягивает успокоительное не только Лиде, но и мне, то без возражений принимаю, потому что меня до сих пор трясет.

– Давайте, девочки, успокаивайтесь и рассказывайте. Что вы натворили? – тяжело вздыхает Наташа, но что я могу рассказать?

Я и сама не в курсе, из-за чего именно настолько разозлился хозяин. Видимо не из-за приставаний Лиды, он ведь говорил что-то о Карине Васильевне. Неужели эта дурочка еще и жену его умудрилась оскорблять при нем? Или он услышал наш разговор в ванной сегодня днем? В любом случае, это его разозлило и он отыгрался на нас, так что я скорее склоняюсь ко второму варианту. Однако, даже это не дает ему права вести себя с нами, как с какими-то отбросами! Сегодня Тархан Артурович во всей красе показал свою гнилую натуру и, я не представляю, как после такого оставаться жить и работать в его доме.

Глава 4

Карина, стерва, выбесила своей выходкой, но если она думает, что я приползу к ней, прося вернуться, то зря. За двадцать лет вместе могла бы уже понять, что такими манипуляциями меня не проймешь. Еще и тупая горничная решила залезть мне в штаны, думая, что оскорбления в адрес моей жены помогут. Непроходимая дура! Как бы мы не срались с Кариной, я ни одному человеку не позволю плохо говорить о ней. Она – моя жена. Женщина, которую я выбрал для себя. Оскорбить ее – значит оскорбить мой выбор, а этого не позволено ни одному человеку.

– Жора, ты почему заставляешь себя ждать?! – рычу на Георгия, все еще раздраженный ситуацией с Кариной и еще больше взбешенный выходкой прислуги.

– Я был в теплицах, пришел, как только вы позвонили, – задыхаясь от быстрой ходьбы, но все равно держась с достоинством, объясняет Жора.

Карина наняла его, потому что хотела дворецкого, как в фильме, и этот манерный мужик реально словно вышел из экрана, но тот факт, что он передо мной не трясется от страха, как другие, мне нравится. Есть в нем стержень.

– Я уволил горничную, ту, которая туповата. Сегодня же гони ее взащей, понял? И пусть не попадается мне на глаза больше!

– Лиду? – невозмутимо уточняет Жора, сложив руки за спиной.

– Да, ее. И принеси мне другой ужин, этот остыл, – указываю на поднос, который оставила вторая, более сообразительная горничная. – Принеси все сам, не хочу иметь дело с бабами.

– Как пожелаете, Тархан Артурович. Могу я уточнить, нужно ли искать замену уволенной горничной?

– Да, ищи. И найми на этот раз ту, которая знает, что в штаны к хозяину лезть не стоит.

– Разумеется, Тархан Артурович. Принесу ваш ужин в течение десяти минут. Если это все, то я пойду.

– Не обязательно каждый раз сообщать об этом, Жора! – раздражаюсь я. – Просто уходи.

– Конечно, – серьезно кивает он, прежде чем взять поднос в руки. – И, я предпочитаю Георгий, Тархан Артурович, – спокойно смотрит на меня своими жуткими рыбьими глазами, что так и хочется надеть этот поднос ему на голову.

– А я предпочитаю, чтобы ты не строил из себя робота, но что-то ни один из нас пока желаемого не получил!

– В таком случае, позвольте удалиться, – слегка кланяется мне этот клоун и я могу поклясться, что несмотря на каменное лицо, он, мать его, издевается!

Что за прислуга нынче пошла!?! Совсем страх потеряли, неужели я настолько размяк от мирной жизни?

Вот и Карина решила, что может научить старого пса новым трюкам. Еще десять лет назад она и шагу ступить не осмелилась бы за порог нашего дома, а двадцать лет назад сама заглядывала мне в рот и даже не думала о том, чтобы оспаривать мои решения. Не знаю, какая вожжа ей под хвост попала, но что-то моя женушка в последнее время все чаще истерит и придумывает все более нелепые поводы для ссор.

Ревнует она! Да ни хрена подобного, было бы к кому! К зеленой девчонке, за которой меня попросил приглядеть брат. Я Максима понимаю, у меня, в доме с круглосуточной охраной, девочка будет в большей безопасности, чем у него, с его нестабильной работой и частыми поездками. И Карина ведь прекрасно знает, что пугливая Лиана даже смотреть на меня лишней раз опасается, не говоря уже о том, чтобы запустить в меня свои коготки. К чему был весь этот спектакль? Что-то, слишком подозрительно себя начала вести моя жена, нужно в этом разобраться.

Только собираюсь налить себе выпить, как слышу – в дверь кто-то тихо скребется.

– Заходите!

В комнату заглядывает зареванная дура-горничная. Вот Жора, я же отдал ему ясный приказ!

– Какого хрена ты снова приперлась? – рявкаю на нее, не желая снова иметь дело со слезами и мольбами.

– Тархан Артурович, я хотела... – начинает блеять эта идиотка, но я обрываю ее взмахом руки.

– Развернулась и вышла. Разве я неясно выразился? Чтобы ноги твоей здесь не было в течение десяти минут! Если не успеешь собрать вещи – твоя проблема, тебя в любом случае выкинет охрана. Время пошло.

На этот раз ей хватает извилин не возражать и испариться. Черт, давно пора было ее уволить, но Карина упросила меня оставить эту Лиду, потому что та ей, видите ли, помогает. Оказывается, в услуги помощницы входит еще и удовлетворение мужа хозяйки в ее отсутствие. До сих пор охуюваю от степени беспринципности этой девушки. Самоуважения – ноль, и как ее от самой себя не тошнит? Хорошо хоть у второй горничной мозгов побольше, она точно вняла предупреждению.

Звоню на пост охраны и даю инструкции вывести Лиду за пределы территории, но перед этим обыскать ее и ее вещи. Такая что угодно может прихватить с собой. Потом ужинаю, постепенно расслабляясь и обдумывая, что делать с приемом гостей в пятницу. Надо возвращать Карину и на этот раз я не собираюсь задабривать ее подарками. Заблокирую доступ к счетам – и вернется, как миленькая. Если что-то и осталось от ее бывлой любви ко мне, так это любовь к моим деньгам.

«Наш брак трещит по швам, а ты ничего не делаешь!» – вспоминаю ее недавние слова и хочется рассмеяться от этой глупости. К тридцати шести годам моя жена, вдруг, решила, что мы плохо живем и брак наш не такой, каким должен быть. Может, она таким своим поведением просто хочет подтолкнуть меня к каким-нибудь действиям? Чертовы женщины! Нет бы сказать прямо, что ей нужно. Ебу ее регулярно и качественно, в свет вывожу, всем обеспечил, чего ей еще не хватает?

Я еще больше негодую из-за мерзкого поведения хозяина, когда Лида рассказывает, что плохо высказалась о бросившей его жене и он именно из-за этого так разозлился. То есть, получается, что наш разговор с Лидой в ванной комнате он не слышал, о том, что я тоже оскорбляла его жену не подумал, а просто автоматически поставил меня на одну полку с Лидой, потому что я тоже горничная? Вот скотина!

Лиду в тот же вечер уводит охрана, даже унизительно проверяет ее вещи прямо в коридоре у выхода на задний двор, которым пользуется прислуга и, честно признаться, я испытываю огромное облегчение, когда они ничего не обнаруживают. Все-таки, даже я не верю, что Лида не способна прихватить с собой что-нибудь из хозяйского добра при уходе, но видимо, она настолько шокирована увольнением, что просто не задумалась.

– Странно, что у нее ничего не обнаружили, – словно читая мои мысли шепчет мне Наташа. – Ну и слава Богу!

Проводив все еще рыдающую Лиду, мы расходимся и, я иду сразу к себе в спальню. Больше в тот вечер не выхожу, еще и мучаюсь от бессонницы полночи, снова и снова прокручивая в голове унизительную ситуацию, а проснувшись утром и получив уведомление на телефон о том, что пора вносить ежемесячный платеж за кредит, понимаю, что все мои мысли об увольнении – эгоистичная блажь. Беднякам выбирать не приходится, а самолюбие свое придется временно поумерить. Оскорбил хозяин – и черт с ним! Я его уважать и любить не обязана, просто буду тихо делать свою работу и постараюсь не попадаться больше под горячую

руку. Надеюсь, горничная, которую найдут на замену Лиде, не приедет сюда в поисках богатого папика.

– Соскучился мой котик, знаю ведь, что не можешь без меня! – вечером следующего дня слышу ласковое воркованье Карины Васильевны из коридора второго этажа и невольно останавливаюсь на полпути.

Неужели она вернулась? И с кем разговаривает? Тархана Артуровича нет с самого утра, чему я очень рада, так как не знаю, как смотреть на его мерзкую рожу.

– Прекрати, Карина, – слышу резкий голос хозяина, понимая, что он тоже успел приехать.

Они бы хоть дверь закрыли при разговоре! Мне нужно пройти мимо их спальни, чтобы добраться до лестницы, но с открытой дверью меня точно заметят. Еще подумают, что я тут специально подслушиваю!

– Ну не злись, Тархан. Я чуток всплыла, но ты же знаешь, как я тебя ревную. Эта чертова Лиана слишком смазливая, чтобы я спокойно терпела ее присутствие в доме!

– Херня! У нас тут целыми днями разгуливают смазливые служанки, но что-то к ним ты меня не ревнуешь.

– Ну, так это прислуга, – словно он сморозил полную глупость, пренебрежительно хмыкает хозяйка. – Я тебя знаю, ты на уровень ниже не опустишься, даже ради секса. А некрасивые горничные сейчас моветон, вот я и подобрала тех, кто посимпатичнее. Другое дело дочь самого Попова!

Да что с этими супругами не так?! Почему они считают обслуживающий персонал чуть ли не отбросами? Мы же в современном мире живем, они и сами выходцы из простых семей, а нос задирают так, словно аристократы в десятом поколении.

– Чушь не неси, достала! – рычит Тархан Артурович и я вздрагиваю от этого страшного, звериного звука.

Какой уж там котик, скорее злой пес! Не представляю, как с этим страшным чудовищем можно уживаться столько лет, он же всегда агрессивно настроенный. Видимо, ссора сегодня намечается знатная, поэтому надо мне уносить ноги. Если заметят, то просто скажу правду – проходила мимо, закончив уборку на этаже.

– Она невинная и красивая! Чертов ангелочек, мать ее! Ни один мужик не устоит перед таким беззащитным ангелком, иначе, почему думаешь, Макс решил спихнуть ее на тебя? Бойся не сдержаться перед таким искушением и разозлить Попова, – слышу последние слова из их диалога, прежде чем оказываюсь у лестницы и срываюсь вниз на максимальной скорости.

Фух, пронесло, вроде не заметили! Вот только мне теперь интересно, что же это за красотка такая, раз Карина Васильевна так боится ее приезда в свой дом?

Размышляю об этом, пока накрываю на стол, а когда к ужину спускается только хозяин, ощутимо напрягаюсь, потому что его присутствие давит.

– Подслушивала? – резко спрашивает он без вступлений, только сев за стол.

Я вздрагиваю и невольно поднимаю взгляд, хотя говорила себе даже не смотреть на него, чтобы не выдать свою ненависть.

– Глазами не зыркай, дома у себя будешь характер показывать! – недовольно рявкает он. – Подслушивала, значит? Я видел тебя наверху.

– Я убиралась на втором этаже, – отвечаю с дрожью в теле, чувствуя, что вот-вот и меня уволят к чертовой матери. – И ушла, как только закончила.

– Я ведь могу по камерам проверить, – словно под микроскопом, изучает меня взглядом своих жутких черных глаз хозяин.

И, хотя я до ужаса его боюсь, из-за вчерашнего происшествия что-то надрывается во мне, давая смелость постоять за себя хотя бы на этот раз.

– Я работаю здесь уже год, Тархан Артурович, – говорю резче, чем когда-либо осмеливалась в разговоре с ним. – Можете хоть весь архив посмотреть, у меня нет привычки подслушивать разговоры других людей или лезть к ним в штаны.

Он замирает, в шоке от моей наглости, и мне кажется, что все, это конец. Я его разозлила. Сейчас встанет и своими руками выкинет меня отсюда. Но, Тархан Артурович, вдруг, усмехается. Не рассерженно, а словно я его... Развеселила?

– А ты с характером, – выдает он почти с одобрением. – Только со мной его проявлять не надо, Альбина. Не терплю дерзости от подчиненных. Уясни это и тогда останешься здесь еще не на один год. Поняла?

– Да, – отвечаю растерянно, не зная, как правильно реагировать. – Салат или сразу горячее? – говорю первое, что приходит в голову, желая просто поскорее обслужить его и сбежать, а когда хозяин со смешком качает головой, словно я сказала что-то забавное, едва сдерживаю желание запустить в него салатницей, которую держу в руках.

То есть теперь ему весело! И почему ссорится с ним жена, а огребают в итоге подчиненные? Несправедливо! Пусть на ней выплескивает свое дурное настроение и ее ставит на место, мы-то причем?

Глава 5

Нанять новую горничную до приема гостей Георгий не успевает, так что приходится мне самой справляться, но все проходит не так тяжело, как я думала. А уже через два дня, в дом переезжает новая девушка – София. Соня, как она просит себя называть при знакомстве. Красивая блондинка примерно моего возраста, при взгляде на которую никогда не поверишь, что такая красотка может работать горничной. Скорее уж моделью или актрисой. Интересно, почему в этот дом нанимают только красивых девушек, если сам хозяин даже не думает смотреть в их сторону, а хозяйка та еще ревнивая собственница?

– Потом познакомитесь поближе, сначала покажи Софье ее комнату и выдай униформу, – не дает нам и лишнего слова сказать строгий Георгий после того, как представляет друг другу.

– Меня зовут София, а не Софья, – осмеливается поправить его Соня, что мне сразу же нравится в ней.

Георгий может нагнать страху, особенно в начале знакомства, но начальник он справедливый и в душе добрый, хоть и строит из себя каменное изваяние.

– Софья звучит лучше, – невозмутимо заявляет Георгий, всем своим видом показывая, что спорить по этому поводу не намерен. – Альбина, сразу после того, как Софья переоденется, приступайте к уборке на первом этаже. До того, как хозяева спустятся, наверх не соваться.

– Хорошо, Георгий. Пойдем, Соня, – тяну за собой новую коллегу.

Соня недоуменно оглядывается вслед Георгию, но молча следует за мной.

– Он всегда ведет себя так, словно у него в заднице застряла швабра? – шепотом спрашивает она в коридоре и я не сдерживаю смешок.

– Т-с-с! Не дай Бог, еще услышит! Слух у него отличный, и, хотя наш Георгий тот еще перс, человек он хороший. Если не будешь лениться и отлынивать, то он никаких претензий предъявлять не будет.

– Что-что, а работать я умею, – заявляет Соня. – Ты не представляешь, какой щепетильной была моя прежняя хозяйка! Обращалась с нами, чуть ли не как с рабами, но платила хорошо, так что мы терпели. Целых пять лет ада! Ваш Георгий по сравнению с ней – Божий одуванчик.

– А ты долго работаешь горничной? – спрашиваю я, недоверчиво глядя на Соню, которая выглядит моей ровесницей.

– Я начала с семнадцати, неофициально, – объясняет она. – Помогала старшей сестре, после восемнадцати меня оформили и мы с ней там проработали до самой смерти хозяйки. Сейчас заочно заканчиваю универ и планирую после получения диплома работать по профессии.

Мы доходим до комнаты, которая находится рядом с моей, и я ей все показываю и рассказываю. Соня, в свою очередь, пока переодевается, рассказывает, что ее сестра вышла замуж и стала домохозяйкой, а сама она решила продолжить работать горничной, так как платят хорошо и есть где бесплатно пожить.

Она производит на меня хорошее впечатление, так что я надеюсь, что никаких сюрпризов, как от Лиды, мы от нее не получим. Пока я вожу ее по первому этажу, показывая подсобные помещения и где у нас что хранится, а потом мы вместе убираемся в комнатах, впечатление о Соне лишь улучшается. Она действительно хорошо выполняет работу, быстро и чисто, так что мы заканчиваем намного быстрее, чем когда я была в паре с Лидой.

Когда мы слышим голоса хозяев, спустившихся на завтрак, Георгий заявляет, что сам будет подавать на стол, и быстро гонит нас наверх. Первым делом я решаю прибраться в главной спальне, прежде чем Карина Васильевна придет собираться. У нас уже есть свой распорядок и она любит после завтрака прийти в уже прибранную комнату.

– Фу, тут воняет сексом! – зажимает нос Соня и я в ужасе оглядываюсь на дверь.

– Тише ты! – шикаю на нее.

– Ну в самом деле, хоть бы окно открыли! – жалуется Соня, направляясь к большим французским окнам, выходящим на широкий балкон.

Она впускает в комнату свежий воздух и я с облегчением вдыхаю его, удивляясь, почему сегодня тут так воняет, а беспорядок такой, словно год не убирались. Такого хаоса в хозяйской спальне я никогда не видела, хотя Карина Васильевна та еще неряха и любит раскидывать вещи где попало.

– Здесь всегда такой бедлам? – оглядывает масштабы работ Соня.

– Нет, впервые. Давай побыстрее начнем, пока Карина Васильевна не поднялась.

Мы вычищаем спальню за сорок минут, но когда переходим в смежную гардеробную, то понимаем, что работы здесь куда больше. Видимо, хозяева поругались, а потом бурно мирились, потому что беспорядок здесь даже больший, чем в спальне. Вот что за люди! Ведут себя, как какие-то дикие животные. Никогда мне не понять таких отношений!

– Весело тут у вас, – хмыкает Соня, принимаясь сортировать вещи на мужские и женские.

Я чуть не плачу, глядя на прекрасное платье от Селин, которое лежит измятое и испачканное алой губной помадой. А потом понимаю, что оно не единственное, и угрюмо принимаюсь складывать в стопку все, что подверглось вандализму и нуждается в химчистке, если это реально способно спасти хоть что-то, испачканное косметикой. Мы с Соней больше не болтаем, сосредоточенная каждая на своей задаче, пока недовольная хозяйка не прерывает нашу работу.

– Почему вы все еще возитесь тут?

– Нужно отсортировать... – начинаю я объяснять, но она обрывает меня резким взмахом руки.

– Все испорчено, у тебя глаз, что ли, нет? Выкиньте все грязное и наведите здесь порядок. И не смейте ничего присваивать! Я все равно узнаю. Каждая вещь из этой кучи должна отправиться прямиком на помойку. Понятно?

– Да, Карина Васильевна, – согласно вздыхаю я.

Я бы и не подумала что-то оставить себе, потому что это правило даже в нашем контракте присутствует. Все, от чего решили избавиться хозяева, должно непременно выбрасываться, а не распределяться между обслуживающим персоналом. Таким образом они будут уверены, что прислуга намеренно ничего не испортит.

– Да она сумасшедшая! – шокировано смотрит на меня Соня, когда Карина Васильевна уходит.

– Ага, – не могу не согласиться я.

Даже не попытаться спасти столько красивой одежды! Кошунство.

– Как тебе новая горничная? – спрашивает Карина ночью, в постели, когда я уже начинаю засыпать.

– А что, с ней что-то не так? Так уволь, Жора новую найдет.

– Блин, Тархан, я спрашиваю, как она тебе! Ты ее заценил?

Блядь, как же она заебала! Ревнует к каждому столбу в последнее время, что вообще происходит в ее тугой башке?

– Нет, не заценил. Обычная смазливая девка, что я там не видел?

Карина тяжело вздыхает и отворачивается, а я устраиваюсь поудобнее, надеясь поспать, но моя упрямая жена явно еще не закончила.

– Я тебя не понимаю! Ты же мужик, Тархан! Неужели ты никогда не засматриваешься на других?

Она садится и включает свет, заставляя меня щуриться.

– Блядь, Карина, какого хрена?!

– Давай поговорим, – требует она. – Откровенно, Тархан.

– Ну давай, говори, – тоже сажусь я, поняв, что поспать не удастся, пока она не успокоится.

– Я не буду капать тебе на мозги, честно, просто скажи, как есть. Неужели никогда не засматриваешься на других женщин?

– Все мужчины смотрят на красивых женщин, Карина, – вздыхаю я. – У нас же есть глаза. Смотреть можно, трогать нельзя. Это правило женатых людей. А что касается новой горничной, то она не в моем вкусе. Ты же знаешь, что мне не нравятся блондинки.

– Знаю, – начинает улыбаться Карина. – Знаю, котик. Я только из-за тебя так и не перекрасила волосы, но Софья ведь такая сексуальная. Даже я заметила. Неужели цвет волос настолько влияет на твое восприятие?

– Ты что, серьезно беспокоишься из-за того, что у меня не стоит на нашу горничную?

– Нет, дурачок, это я так, удивилась просто! Значит, говоришь, смотреть можно, а трогать нельзя? А тебе никогда не хотелось кого-то еще? Мы ведь двадцать лет одни друг у друга. Вон, муж Светланы предложил ей открытый брак, потому что она ему приелась, и они так уже четыре года живут. Ты о таком никогда не думал?

– Нет, – отрезаю безапелляционно. – Это уже не брак, а блядство! Я после другого мужика в жизни к тебе не прикоснусь, Карина, поняла? А посмеешь мне изменить...

– Тархан, ты чего? – нервно смеется она. – Я вообще-то из-за тебя эту тему подняла, причем тут я?

– За дурака меня не держи! – рычу, вставая с постели. – Я больше не собираюсь игнорировать твои намеки и притянутые за уши истерики. Ты думала, посидишь тихо год и хитростью заставишь меня поступить по-твоему? Даже если наймешь десять жопастых баб, я ни к одной не притронусь! Мы не разведемся. Только положив меня в гроб ты сможешь уйти, поняла? Ты прекрасно знала, на что шла, когда согласилась выйти за меня.

– Да я ведь даже не нужна тебе, почему ты упрямишься?! – бросает в меня подушкой капризная стерва. – Любовь давно прошла, детей у нас нет, так почему ты так держишься за этот проклятый брак? Теперь, когда Попов умер, мы больше не обязаны жить по его тупому кодексу! Давай, наконец, станем счастливыми. Прошу тебя, Тархан!

– Я и так счастлив, а ты просто заскучала и ищешь приключений на свою задницу.

Ни хрена Поп не умер, но ей об этом знать нельзя. Черт, я ведь думал, что она выкинула из башки прошлогоднюю блажь с разводом. Оказывается, просто затаилась и решила меня допечь, сука! И ведь не хочу я с ней разводиться. Мы с ней родные люди. Мне не нужна другая жена, она меня устраивает. Если бы еще ребенка согласилась родить, то вообще ни одной претензии к ней. Пусть и дальше выносит мозг, такой у нее характер. Да и знает она меня с тех сторон, которые новой жене не откроешь. Мы с Кариной вместе выгрызали путь на верхушку, вместе противостояли Попу, пока он не смирился с тем, что я сделал. Отказаться от всего ради того, чтобы потрахаться на стороне? Так мыслят только тупые идиоты. Ну и Карина, наслушавшись своих подруг-шалашовок, которых мужья давно не ебут, потому что у них стоит только на других девок, помоложе и потупее.

– Я счастья ищу, Тархан! – кричит мне в лицо Карина. – Я не хочу и дальше жить, пlying по течению! Я хочу эмоций, хочу любви, нежности хочу! А ты! Ты же хочешь детей, Тархан! От меня ты их никогда не получишь, так и знай! Я не изменю своего мнения, я не создана для материнства и насиловать себя, рожая в угоду тебе, не буду!

– Не рожай тогда! Проживем без детей.

– У-у-у, ненавижу тебя! – кидается на меня разъяренной кошкой эта бешеная, пытаюсь исцарапать лицо, но я быстро ее скручиваю и бросаю на кровать.

– Не доводи, меня Карина, – сдерживаю собственную ярость. – Чтобы больше никаких манипуляций, поняла? Я свое решение не изменю, так что не еби мне мозг, пока я не решил, что ты слишком хорошо живешь.

Она начинает рыдать, обняв одеяло, и я быстро выхожу, пока ее не накрыло по-новой. Уверен, Карина еще вернется к этой теме, но я ей уступать не намерен. Мы не обычные люди и она прекрасно это понимала, когда начала встречаться со мной. Ее семья несет не меньшую ответственность перед Попом, чем я.

Глава 6

Утром я возвращаюсь в спальню, чтобы принять душ в собственной ванной и одеться для встречи с застройщиком, которого хочу нанять для нового проекта, утвержденного еще Поповым до его так называемой смерти. Карина делает вид, что спит, но я по одному ритму ее дыхания могу определить, что она притворяется. Не вчера родился.

– Когда мой брат с Лианой приедут, ты будешь вести себя, как взрослая баба, а не как обиженный ребенок, – предупреждаю ее перед уходом, застегивая часы на запястье. – Я постараюсь вернуться до их приезда. Не смей издеваться над девочкой, поняла?

– Да плевать я на нее хотела, как и на тебя! – не выдерживает Карина, отбрасывая одеяло и вскакивая с кровати, как злая фурия. – Я не собираюсь исполнять твои приказы, я не твоя подчиненная! С этого дня мы сами по себе, Тархан. Ты можешь не давать мне развода, но жить с тобой, как жена, я больше не буду! Можешь трахаться со своим кулаком, понял?

– Может, еще и съедешь? – предлагаю спокойно.

– Чтобы ты снова заблокировал мои карты? Нет уж, я не такая дура! Но ты ко мне больше не прикаснешься, понял?

– Посмотрим, – хмыкаю я, потому что Карина сама и недели не протянет, а изменить не посмеет. – Макс приедет после обеда. Веди себя хорошо.

– Да пошел ты на хуй! – кричит мне вслед жена, когда я иду к двери, но испуганно зажимает рот, когда я оборачиваюсь, поняв, что ляпнула.

Я не разрешаю посылать себя даже ей и, обычно, после этих слов ее ждет жесткая порка и грубая ебля, но я действительно должен уже выезжать, чтобы опоздать не больше, чем на час. И так проспал из-за ее ночного концерта.

– В любой другой день пошла бы ты, но тебе повезло, что я спешу, Карина. Вернемся к твоему грязному рту вечером.

– Не надейся, я тебе не подчиняюсь!

Ну да, ну да, а голос-то дрожит.

Спускаюсь вниз и слышу какую-то суматоху и топанье. Рядом пробегает испуганная горничная, которую я в последний момент на ходу ловлю за руку.

– Что случилось?

– Это Наташа! – плача, выдыхает Альбина. – У нее с сердцем плохо, я вызвала скорую, но она просит Георгия, а я не могу его найти!

– Так, Наташа, это кухарка, да? – уточняю я.

– Да! Отпустите, пожалуйста, мне надо найти Георгия!

Интересно, чем он-то ей поможет? Странная логика, но я отпускаю паникующую девочку и выхожу на улицу.

Водитель, как и моя личная охрана, уже ждут.

– Слушай, скажи, чтобы кто-нибудь проверил ситуацию в доме, – говорю я открывающему мне дверь машины Виктору. – Там кухарке плохо, если что, сами подкиньте до больницы, не дожидаясь скорой.

– Можно войти в дом? – спрашивает Виктор.

– Да, блядь, я разве неясно выражаюсь?

– Ясно, Тархан Артурович, просто моим ребятам нельзя...

– Это форс-мажор, Виктор! – рычу нетерпеливо. – И я прямо тебе говорю, что делать. Пораскинь мозгами, если они у тебя есть.

– Понял, Тархан Артурович, – с каменным лицом говорит Виктор и отходит на шаг.

Пока я сажусь в машину, он достает телефон и начинает звонить. Ну наконец-то!

Да, я дал четкие указания, чтобы охрана не смела переступить порог дома без прямых указаний или без риска нападения, но на то были причины. В прошлом году одна из горничных ебалась с охранником и эти два дебила придумали «гениальный» план нас ограбить. Естественно, ни хрена у них не вышло, но я решил отгородить охрану от прислуги и теперь даже еду им носит Георгий или сама кухарка на крайняк.

Выкинув бытовуху из головы, еду на встречу и уже почти под конец меня осеняет, что раз кухарка в больничке, то кашеварить некому. А у меня гости! Карина, злобная стервозина, точно не станет заморачиваться с этим, надо бы сказать Жоре, чтобы заказал доставку из ресторана к обеду. Пишу ему смс и получив ответ, снова сосредоточиваюсь на застройщике, а по дороге обратно домой получаю отчет от охраны, что моего брата с Лианой встретили и уже везут к нам. Я успеваю первым доехать и сняв блядский костюм, встречаю гостей в удобных джинсах и футболке. Карина прячется где-то в доме.

– Ну здравствуй, брат! – лыбится Макс, беря меня в медвежий захват.

– Хватит тебе, всего-то год не виделись.

Я треплю его по башке, как в детстве, и хлопнув по плечу, отстраняюсь, оглядываясь на Лиану, которая неуверенно мнетя рядом с нами.

– Здравствуй, Лиана.

– Здравствуйте, Тархан Артурович, – тихо пищит девочка, с опаской поглядывая в сторону Максима.

Да, я уже привык. Женщины, особенно такие, как она, при знакомстве всегда пугаются моего вида, а с Лианой я в последний раз виделся, когда она была ребенком. Поп свою дочь берег и держал практически взаперти. Я просто охуел, когда понял, что он оставил ее на попечение Макса, но видимо у старика, как и всегда, все просчитано наперед и у этого поступка тоже своя цель. Знай Макс, что Попов жив, точно не сплавил бы ее ко мне. Даже у него не настолько большие яйца.

– Проходите в дом, Жора вам сейчас все покажет и расскажет, – не тяну с приветствиями.

Жора, конечно, тут как тут, здороваётся и чуть ли не кланяется, уточняя, что его зовут Георгий и он мажордом.

– Как будто я тебя забыл, Жора, – смеется Макс, пытаясь пожать ему руку.

– Максим, Лиана! Вы, наконец-то, приехали! – раздается с верха лестницы очень счастливый голос моей жены и, только когда все взгляды поднимаются на нее, она начинает свой спуск вниз, пытаясь как можно чаще оголять ляжки в платье с разрезом чуть ли не до пупа.

Вот что за женщина! Решила устроить очередное представление.

Наш обед превращается в какое-то цирковое представление. Карина из кожи лезет, пытаясь охмурить Макса, при этом мой брат выглядит конкретно прихуевшим от такого ее поведения, учитывая, что знает он ее столько же, сколько и я. Одна только Лиана принимает всерьез потуги Карины и кидает на нее раздраженные взгляды, но молчит, если ее о чем-то не спрашивают.

А вот новая горничная, которая разносит еду, привлекает к себе по-настоящему заинтересованные взгляды Макса. Надо бы его предупредить, чтобы не приставал к моей прислуге. Ему всегда нравились блондинки, в отличие от меня. И это не единственное наше различие. Мы в принципе мало похожи на родственников, начиная даже с внешности. Мой отец был кавказцем и я унаследовал от него смуглую кожу и черные волосы, а вот после его смерти мама вышла за русского и родила Максима, который похож на своего отца – та же светлая кожа, синие глаза и каштановые волосы. Хотя оба его родителя живы, Макс общается теперь только со мной. Мама отреклась от него так же, как и от меня, когда узнала, что мы решили работать на Попа. Она всегда ненавидела его и всех, кто с ним связан. Вина в смерти моего отца, моего брата и любого дорогого ей мужчины из членов семьи и друзей, которые умирали на

службе у Игнатия Попова. Словно у кого-то был выбор в этом вопросе. Ей самой удалось уйти лишь потому, что она женщина, и после смерти мужа не представляла интереса для общины. Поп отпустил ее, даже несмотря на их дальнейшее родство, которое могло бросить тень на него самого. Просто он не уточнил, что ее дети все равно будут принадлежать общине, хочет она этого или нет.

– Что это с Каринкой? – спрашивает меня Макс позже, когда мы расслабляемся в моем кабинете. – Опять ее причуды?

– Причуды, – задумчиво повторяю я. – Совсем не то слово, скорее уж идиотизм. Мы поругались с утра, вот она и отрывается.

– Время идет, а твоя жена не взрослеет, – хмыкает брат. – Вот поэтому я и не женюсь. Это же пожизненная тюрьма, даже без Попа! Наши главы умирают, а правила не меняются. Вот хуйня!

– Не боишься, что тебя женят на Лиане? – ухмыляюсь я.

– Не женят, если она будет под вашим с Кариной присмотром. Лиана, конечно, красивая девочка, но мне такая жена не нужна. Нет в ней огня, а я никогда не понимал в чем привлекательность тихонь.

– Сам же только что был в ужасе от моей огненной женщины, – напоминаю ему. – С тихоней хотя бы будет спокойная жизнь. Никто не будет ебать тебе мозг, тишь да благодать.

– А лучше вообще без жены, и можно ебаться, с кем хочешь, – смеется Максим. – Ты, кстати, еще помнишь эти ощущения или за двадцать лет забылось?

Ну вот, еще один. Помню ли я? А что вспоминать-то? До Карины у меня были лишь две женщины, такие же подростки, как и я сам в то время. Мы ни хрена толком не умели, только пробовали, а вот уже в шестнадцать, влюбившись в Карину, я исключил всех остальных.

В нашем сексе практически отсутствуют табу, мы вместе учились, экспериментировали и в конце концов начали читать друг друга, как самих себя. Карина точно знает, как отсосать так, чтобы я спустил за десять минут или как продлевать удовольствие, пока у меня ноги не откажут. Я знаю, как трахать ее, чтобы визжала от кайфа и как наказывать, чтобы удовлетворить ту ее часть, которой она все еще стесняется. Даже если бы Попов разрешил развод, то не факт, что я найду женщину, способную настолько вжиться в мой образ жизни, начиная от секса и кончая правилами общины. Сама Карина уже хочет сбежать, а мне казалось, что ее ничего не способно заставить уйти от меня. Она слишком любит богатство и власть, которые дает мое положение, и ее давно перестали пугать наши дела и их возможные последствия.

– Мальчики, ну что вы от нас ушли, развлеките дам, – мурлычет моя жена, без стука открывая дверь и заглядывая к нам. – Макс, ты ведь уезжаешь рано утром? Я тебя с прошлого года не видела, давай пообщаемся. Мы же семья, все-таки.

– Карина, кончай выдываться! – нетерпеливо рычу на нее. – Мы обсуждаем дела и Макс неинтересно, что у тебя под платьем, так что прекрати позориться!

– Тархан! – возмущенно кричит она. – Это ты меня позоришь! Что ты такое говоришь?! Разве я когда-нибудь давала тебе повод?

Бля-я-я-я-дь, приехали... Очередной спектакль одной актрисы.

– Слушай, Карин, вы оба на нервах, – вмешивается Макс. – Давайте не будем орать на весь дом? Я-то привык к вашим отношениям, но вот Лиана, бедняжка, может испугаться. Мы с Тарханом правда обсуждаем дела, поэтому пока помоги ей устроиться, покажи дом, а позже мы все вместе посидим и поговорим. Ночь долгая.

По лицу жены я вижу, что она хочет послать его куда подальше с его доводами, но видимо в последний момент Карина все же решает сохранить лицо и берет себя в руки.

– Конечно, ты прав, Максим. Извини Тархана, он иногда такое ляпнет. Ты же знаешь своего брата, никакого фильтра. И он так меня ревнует, глупый! – она хихикает, как тупая

восьмиклассница, стреляя в мою сторону глазками. – Ладно, так и быть, оставлю вас. Но не слишком тут засиживайтесь, а то эта ваша Лиана меня с ума сведет. Она такая зануда!

Карина выходит, но она уже успела вывести меня, так что сложно сдержать раздражение, глядя на покручивающего пальцем у виска брата. Макс – единственный, кому я доверяю в этом мире, так что ему сходит с рук небольшие подколы и замечания в сторону меня и Карины. Но даже он знает свои границы и соблюдает их, хотя я не могу его винить за то, что он считает мою жену чокнутой бабой. Я и сам иногда задумываюсь, а все ли у нее в порядке с головой.

Глава 7

Месяц спустя

– А этот пирог готовить научишь, Наташ? Такая вкуснятина! – слышу восторженный стон Лианы при подходе на кухню.

Эта милая девушка с ангельской внешностью характером тоже обладает почти ангельским. Она живет здесь уже месяц и за это время мы узнали ее намного лучше, чем своих хозяев, потому что одинокая бедняжка предпочитает общаться с прислугой, чем с супругами, приютившими ее. Лиане всего семнадцать, но она уже окончила школу, а в университет ее не пускают, да и в городе она ни с кем не знакома, так что ей не остается ничего другого, кроме как сидеть дома целыми днями, да изредка выбираться в центр в присутствии охраны, что наверняка то еще удовольствие.

– А его готовила Альбина, – говорит Наташа, как раз, когда я захожу на кухню.

Глаза Лианы комично расширяются. Она одета в милейшее розово-белое платье с бретельками-бантами и похожа на ожившую куклу барби с волнистыми от природы золотисто-русыми волосами и большими синими глазами.

– Правда? Аля, да ты все умеешь делать, ты вообще реальная?!

– Это просто навык, которым может овладеть любой, – улыбаюсь я. – Я кроме рисования люблю еще и печь, когда есть вдохновение. Если хочешь, научу тебя готовить этот пирог, это несложно. Мама говорит, что это рецепт ее бабушки, которой его рассказала соседка-немка.

– Здорово, очень хочу! – радуется Лиана с непосредственностью ребенка.

– Кстати, пирог оценила не только Лиана, – говорит Наташа. – Почему ты не готовила его раньше? Я теперь тоже хочу рецепт, он великолепен! Даже Тархан Артурович поел.

– А зачем вы ему отнесли, я же для нас готовила, – хмурюсь я. – И вообще, он же не любит сладкое.

Да, десерты в этом доме не готовят, потому что хозяева их не едят. Карина из-за фигуры, ее муж просто не любит. И я уж точно не хочу, чтобы этот грубый, самовлюбленный мужлан ел приготовленный мною восхитительный пирог моей прабабушки!

– Не знаю, Георгий ему отнес вместе с кофе в кабинет, а потом пришел за добавкой, – пожимает плечами Наташа.

– Но мне-то хоть что-то осталось? – стонет Соня, которая тоже заходит на кухню. – Я съела только ма-а-аленький кусочек. Хочу еще! Самое время для кофе-брейка.

– Не переживайте, половина еще осталась, – успокаивает нас Наташа. – Сейчас сядем пить чай-кофе. Я тоже как раз собиралась присоединиться к Лиане.

Вы весело болтаем, пока едим, но через несколько минут в наше женское царство врывается Георгий.

– Альбина, Тархан Артурович разбил бутылку в кабинете. Приберись там.

Я едва сдерживаю стон. Блин, ну почему я, а не Соня? Георгий, словно специально, на любое задание от хозяина посылает именно меня, а я ведь всеми силами пытаюсь его избегать! Ничего не могу поделать с неприязнью, которая поселилась во мне после случая с Лидой. Только однажды, когда Наташе стало плохо и он приказал охране немедленно отвезти ее в больницу, не дожидаясь скорой, которая неизвестно когда прибыла бы, я немного смягчилась по отношению к нему. Но и это быстро прошло, потому что в последующие три недели он снова показывал себя во всей красе, заставляя свою жену плакать, расстраиваться и устраивая один скандал за другим.

И это не мое предубеждение говорит именно о его вине в происходившем! И Лиана, и Соня становились невольными свидетелями того, как Карина Васильевна умоляла его о чем-то, просила сжалиться над ней, а он только рычал на нее зверем или просто равнодушно обру-

бал, пока неделю назад она не сбежала под предлогом, что хочет пошопиться с подругами в Италии.

Встав из-за стола, я без возражений иду убирать, захватив с собой нужный инвентарь и громко стучась в дверь кабинета, что вошло у меня уже в привычку.

– Почему ты всегда долбишь в двери, как сумасшедшая? – спрашивает меня раздраженный хозяин, как только я захожу после его разрешения.

В комнате стоит отвратительный запах спиртного. Видимо, он разбил одну из своих дорожных бутылок из бара.

– Просто хочу убедиться, что ничему не помешаю, – отвечаю спокойным тоном, хотя так и хочется съязвить.

Он издает смешок, словно я сказала что-то забавное, и указывает мне пальцем в сторону бара.

– Убери все и проветри здесь.

Я ожидаю, что он выйдет, потому что никто в своем уме не останется работать в этой вонище, но Тархан Артурович, как ни в чем не бывало, продолжает сидеть за столом, что-то щелкая на ноутбуке.

Тихонько вздохнув от разочарования, я открываю окна и начинаю руками собирать большие осколки стекла, а потом метелкой собираю мелкие, так как решила не тащить сюда пылесос и обойтись водой и тряпкой. Когда осколки убраны, я мою пол, радуясь, что жидкость не добралась до ковра, а потом иду поменять воду и мою его еще раз.

– Ты долго будешь крутить тут задницей? – внезапно пугает меня хозяин.

Его тон полон агрессии.

Я оборачиваюсь и заглянув в страшные черные глаза, испуганно сглатываю.

– Я почти закончила.

Хоть убей не могу постоять за себя и осадить его! Слишком он меня пугает. Даже если оскорбляет, все равно превращаюсь в трусливую, безмолвную овцу. Продолжаю быстро работать и закончив, с облегчением ухожу подальше, пообещав себе, что обязательно попрошу Георгия в следующий раз не посылать меня к нему. Или просто попрошу Соню меня подменить. Она-то к Тархану Артуровичу относится ровно и не трясется перед ним, как осиновый лист.

У меня от недотраха уже на горничных встает. Дожил, бля! И ведь всего лишь задница, еще и платьем прикрытая! Можно подумать, этим кого-то удивишь. Вот и меня раньше такие картинки не возбуждали, но Карины нет уже неделю, а я как-то не привык к ручному труду. Как и ожидалось, долго ее бойкот не продлился, уже через несколько дней сама меня спровоцировала отъезжать ее и, хотя потом снова закатила скандал, до ее отъезда мы трахались, как и всегда.

Звоню охране, приставленной к жене, и получаю подробный отчет чем она занята и с кем общалась. Я все еще не верю, что Карина настолько осмелеет, что решится на измену, лишь бы пронять меня, но проверить не помешает. Она сейчас не в себе, не получила желаемого, вот и бесится. Всегда такой была.

– Карина Васильевна сегодня встречалась с Андреем Болотниковым, – сообщает мне Руслан. – Он присоединился к ней за обедом в ресторане при отеле. Они говорили сорок пять минут и разошлись, после чего Карина Васильевна пошла в бассейн. Кроме поцелуя в щеку при приветствии и прощании, других физических контактов не было. Я сделал фото и видео, высылаю.

– Хорошо, Руслан, продолжай следить, – завершаю вызов, открывая видео в приложении.

Со стороны все выглядит обычным, Карина со многими здоровается поцелуями в щеки и это ничего не значит, вот только мне не верится, что Болотников случайно зацепил ее в

Милане. Он сейчас тонет в такой трясине, что лишний раз даже за город нос не сует, не говоря уже о другой стране. Да и разговаривая с ним она выглядит слишком уж счастливой. Теперь я припоминаю, что на последнем скучном приеме она весь вечер притворялась приветливой, но танцуя с Болотниковым искренне смеялась и щебетала с ним. Чуйка говорит, что все не так просто, как выглядит, а она меня редко подводит. Неужели эта дура клюнула на Болотникова с его тупыми ужимками и кривляньем? Одно название, а не мужик! Если так все обстоит, то я не знаю даже, смеяться мне или злиться. Карина, идиотка! Вот к чему были ее попытки «облагородить» меня, как она это назвала.

«Тархан, почему ты постоянно матерись, мы же в приличном обществе!»

«Тархан, не оскорбляй людей, это не делается в лицо!»

«Тархан, ты должен носить костюмы каждый день, как другие мужчины нашего круга, а не одеваться, словно бандит из девяностых!»

Я одеваюсь, блядь, как мне удобно, и не женщине указывать мне, как себя вести на людях! Я не долбаный джентльмен, каким она хочет меня сделать. Знала, с кем связалась, и это ее проблема, что так же, как на новую дизайнерскую сумку, ее потянуло на прилизанное женоподобное чучело.

Не знаю, из-за чего я больше злюсь. Из-за ее глупости, или из-за брехни, которую она лила мне в уши. Устраивала тут концерты, пыталась давить на жалость, манипулировать, а на деле ей не счастья и свободы хотелось, а просто потрахаться с ванильным придурком!

Снова включаю видео, убеждаясь, что правильно прочитал ее эмоции. Ни хрена мне не померещилось, она выглядит так, словно готова есть его дерьмо. Тьфу ты, и как вообще может тянуть к такому щуплому, женоподобному существу!

У меня нет терпения ждать, пока она нагуляется и прилетит обратно. Я приказываю Руслану немедленно упаковывать ее, даже если будет сопротивляться, и доставить домой.

Мне настолько противно при мысли, что она течет на Болотникова, что я даже впервые рассматриваю возможность и правда развестись.

Какого хрена я вообще держу рядом женщину, которая даже детей мне родить не может, а только ебет мозг?!

К черту прожитые вместе годы и то, что она, кроме Макса, единственный член семьи, которым я дорожу! Я ведь не могу убить эту дуру, даже если она правда мне изменит. Да, по правилам общины, измена смывается кровью, и я всегда был верен нашим законам, никогда не предавал свою клятву, но неужели Карина и правда думает, что я смогу поступить с ней так? Я бы не думая прикончил Болотникова, потому что никто не смеет класть свои лапы на собственность Тархана Давыдова, но убить свою жену? Нет, не смог бы.

– Тархан Артурович, подать вам ужин? – прерывает мои мысли Жора. – Или хотите составить компанию в столовой Лиане Игнатьевне?

– Я не хочу есть, Жора, – отмахиваюсь от него. – Не беспокойте меня, это всех касается.

– Как скажете, – тихо выходит за дверь мажордом.

Я больше не могу думать о Карине, меня ждет работа. Кроме меня, еще только два человека знают о том, что наш глава жив, и только я из нашей троицы умею взламывать чужие защищенные сети, так что именно мне приходится удаленно подключаться к камерам из шестого участка и каждые три часа проверять, чем занимаются подозреваемые в потенциальном перевороте. Если бы они были невиновны, то уже давно выбрали бы нового главу после смерти Попа. Явно происходит что-то намного масштабнее, чем мы изначально думали, просто нужно найти нужную нить и потянуть за нее.

Карине не позволяют выйти из частного джета, потому что я присоединяюсь к ней сразу же после посадки. Пока мы говорим, мои люди спокойно подготовятся к следующему полету.

– Тархан, что происходит? – спрашивает меня растрепанная жена, которая явно нервничает. – Мы эвакуируемся или что? Охрана просто засунула меня в машину, а потом и в самолет, я даже вещи не собрала!

– За безопасность можешь не переживать, никто нас убивать не собирается, – говорю я, проходя в салон и устраиваясь на кожаном сиденье. – Сядь, поговорим.

– Да что происходит?!

– У меня есть к тебе вопросы, на которые я хочу получить правдивые ответы. Например, почему ты так хочешь развестись, если знаешь, что получишь намного меньше, чем имеешь сейчас.

Это заставляет ее отбросить эмоции и сосредоточиться на разговоре. Карина садится напротив меня и смотрит с такой надеждой, что мне хочется въехать кому-нибудь. Не ей, женщин я не бью, даже если руки очень чешутся.

– Я люблю деньги, но на них нельзя купить счастье. Только комфорт. Ты мужчина, ты доволен тем, что имеешь и не думаешь о таких вещах, как любовь и близость. Я так не могу больше, Тархан! Женщины устроены по-другому.

– И что, ты уже нашла эту свою любовь?

– Конечно нет, я же говорила! – возмущается она, взбесив меня еще больше. – Я никогда не изменила бы тебе, что бы не говорила.

– Значит, и к Болотникову ты ровно дышишь? – наклоняюсь вперед, сцепляя руки в замок и глядя ей прямо в лживые глаза.

Карина не выдерживает моего взгляда, чем и выдает себя. Как и истеричными нотками в голосе.

– Какой Болотников, ну ты и скажешь! Теперь я понимаю из-за чего меня притащили обратно в Москву. Охрана доложила о нашей встрече, да? Блин, Тархан, не думала, что ты на такое среагируешь! Это же такая глупость!

– Не ври, Карина, – предупреждаю ее.

– Я не вру! Я никогда не изменяла тебе, это может подтвердить охрана! Что на тебя нашло?

– Я, блядь, не об этом тебя спрашиваю! Мне неинтересно, трахалась ты с ним или нет! Я хочу знать, будет ли он тем, к кому ты побежишь после развода.

Теперь она выглядит испуганной, хоть и пытается это скрыть.

– Даже если бы у меня кто-то и был, я бы не сказала тебе. Зачем? Чтобы ты мог убить его, думая, что этим решишь проблему и заставишь меня остаться?

Дура! А я ведь до последнего верил, что она достойно выйдет из этой ситуации.

– Какая же ты дура, Карина, – не получается сдержатъ смех. – А я еще больший дурак, раз позволяю тебе лить мне в уши это дерьмо. Ладно, ты сама к этому привела, так что потом не жалуйся. Сегодня же начну оформлять развод, но в этот город ты больше не вернешься. Мне похуй, куда ты поедешь, но отныне Москва для тебя закрыта.

Встаю, чтобы уйти, но она вцепляется в мою руку, останавливая.

– Что значит закрыта? Ты не можешь так со мной, Тархан, я здесь живу! Это мой город!

– Нет, это *мой* город, – чеканю ей в лицо. – И, если у тебя осталась хоть капля мозгов, ты здесь больше не появишься.

– Но Тархан, я же не могу вот так враз поменять весь свой образ жизни, свое окружение! За что ты так со мной? – начинает она плакать, все еще цепляясь за меня. – А мои вещи!

– Так и быть, твоё шмотье я вышлю почтой, – хмыкаю я, сбрасывая с себя ее руки. – А с окружением как-нибудь сама разбирайся. Любой на моем месте просто прибил бы тебя и не парился, Карина, так что считай это моим добрым отношением, несмотря на то, что ты, сука, лжешь мне в лицо!

– Тархан, давай поговорим спокойно! Нельзя же на эмоциях вот так сразу...

– Заткнулась и села! – рявкаю на нее. – Хватит за меня цепляться, пока я тебя не выкинул отсюда с голой жопой и тебе не пришлось пешком топтать из города! Не беси, Карина, ты знаешь, что я слов на ветер не бросаю.

Да, она знает. Продолжает рыдать, но послушно садится. Я даже последний взгляд на ней не задерживаю, прежде чем выйти, потому что все хорошее, что между нами было, она только что бросила мне в лицо, решив солгать, даже когда я задал ей прямой вопрос.

Глава 8

Несколько недель спустя

– Тебе нужно разнообразие! – заявляет Антон, словно его осенило гениальной мыслью. – Блондинка! Почему бы тебе не трахнуть блондинку? А все брюнетки, да рыжие.

– Ну, давай блондинку, – соглашаюсь я, потому что мне уже похуй.

Я взвыть готов от того, как меня заебало все! Не сказать, что скучаю по Карине, но кого бы я не трахал после нее, все кажется не таким. Скучно, пресно, до тошноты однообразно. Девочки стараются, у каждой свои таланты и свои границы, или полное их отсутствие. В первую неделю было даже интересно, все-таки, такое разнообразие после долгих лет с одной бабой. А сейчас понимаю, что все – конец. Я словно каждый раз трахаю свой кулак, эмоций столько же, то есть ноль.

Блондинка Антона проблему не решает. Если не считать цвета волос, то самое то – большая грудь и задница, что надо. Стонет, сука, красиво, и даже оргазм не имитирует, но все равно не то. Сам не знаю, в чем проблема, но сколько не трахаюсь, меня не отпускает. Не могу расслабиться, только еще больше внутренности скручивает, так и хочется что-нибудь раздолбить. Скоро взорвусь от напряжения или просто прибью первого подвернувшегося под руку бедолагу. Хоть бы не Жору! Что не говори, а к мажордому я привык, хоть что-то хорошее после себя оставила Карина.

– Тоха, я домой, – заплатив блондинке, которая выдоила меня досуха, но не удовлетворила, захожу я в кабинет старого знакомого.

Назвать его другом язык не повернется. Нет у меня друзей, кроме брата.

– Тархан, ты чего? Ночь только начинается, сегодня новые девочки выступают. Останься, посмотри, – льет мне в уши этот недоделанный сутенер.

– Не, неинтересно. Бывай.

Выхожу, пока он не начал предлагать другие развлечения, потому что мне ничего не интересно. Я, сука, устал, как собака! Работаю на Попа почти круглосуточно, потому что мне повезло быть в кругу доверенных лиц, пока этот «покойник» расслабляется где-то, не предпринимая никаких решительных действий и позволяя всякой швали диктовать свои условия общине. Творится непонятно что и я в ярости от того, что отсиживаюсь в сторонке и как какой-то офисный планктон залипаю целыми днями в компе, или разгребаю скучные старые документы из столетнего архива, которые у меня в печенках уже засели. Руки так и чешутся кого-нибудь отколошматить, но Антоха для этого не лучший кандидат, все-таки, он мне пока был полезен.

Дом темный и пустой, когда возвращаюсь. Все спят, середина ночи. А мне, блядь, пожрать охота! Разбудить, что ли, Жору? Не, лучше не буду. Пусть старый спит, а то сляжет, как кухарка, которой неделю больничного пришлось взять и я всю эту неделю питался непонятной херней из ресторанов.

Иду на кухню и рыщу в холодильнике. Та-а-а-к, а это у нас что? Пирог. Тот самый, который кухарка только один раз готовила. Значит, сегодня тоже был. Почему мне никто не предложил? Совсем оборзела прислуга, готовит для себя всякие деликатесы, а хозяину шиш с маслом. Ну Жора, я тебе этого не спущу!

Достаю пирог, наливаю себе воду и начинаю есть. Блин, ну что за вещь, а? Я в еде не капризен, сладкое не люблю, но этот пирог... Он не сладкий, вот в чем вся соль! Ореховый, вроде как десерт, но все равно не сладкий. Эх, надеюсь, кухарка не двинет кони, а то сердцуто у нее больное. Надо сказать Жоре, чтобы серьезно занялся ее лечением, я оплачу расходы. Нельзя терять такой кадр. У нее и холодец отменный получается.

Наяриваю пирог, запивая водой, и сам не замечаю, когда он заканчивается. Бля, да я половину пирога в одно рыло умял! Такими темпами скоро весь жиром обрасту, это даже хорошо, что его нечасто готовят.

Внезапно на кухне включается верхний свет, почти ослепляя меня, а следом раздается громкий испуганный визг.

– Да заткнись ты, что орешь? – морщусь от громкого звука.

Это горничная. Альбина. Застыла на месте, схватившись за сердце, словно приведение встретила, и смотрит на меня большими глазами, прерывисто дыша. Вот истеричка!

– В-вы меня напугали, – хлопает ресницами, неловко переминаясь на месте и кутаясь в длинный махровый халат, который больше подошел бы ее бабушке. – Извините.

Пугливая. Мне это всегда в ней нравилось. Трусливая прислуга намного лучше нахальной, я в этом уже убедился на опыте. Такие косячат меньше и держатся за свое место, прилагая больше усилий в работе.

– Ничего, я тут решил перекусить. Бери, что тебе нужно, я закончил.

Поднимаюсь со стула, чтобы уйти, потому что и правда уже все умял, а на сытый желудок ко сну клонит, но девчонка меня останавливает неожиданным вопросом.

– Вы что, съели весь пирог?!

И такой ужас в голосе, словно я последнюю еду у сироты отнял.

– Ну съел, и что?

– А то, что он был не для вас приготовлен! – нахально заявляет мне она.

– Все в этом доме мое, – напоминаю ей. – Моя кухня, моя продукты, значит, и пирог мой.

– Нет, не ваш! – смеет со мной спорить эта пигалица. – Это был мой пирог и я его специально оставила, чтобы завтра отвезти своей маме. А вы просто взяли без разрешения и съели! Ну от такой наглости я просто охренел! Вы только посмотрите на нее, как осмелела!

– Без разрешения, значит? – опасно низким голосом спрашивает хозяин, надвигаясь на меня, словно хищник, почуявший кровь. – А ты ничего не перепутала, девочка?

– Нельзя брать чужое без разрешения, – стою на своем, хотя злость меня постепенно отпускает и здравый смысл кричит не продолжать этот спор.

Естественно, я в жизни никогда не разговаривала так ни с Тарханом Артуровичем, ни с его женой. Просто не посмела бы настолько нарушить субординацию. Но сегодня с самого утра все только и делают, что играют на моем терпении. Я просто не могу уже держать в себе накопленную злость и обиду!

– Ты спросонья такая тугая или действительно осмелела настолько, что думаешь, будто можешь так разговаривать со мной? Я не держусь за своевольных слуг, уволю в два счета, – останавливаясь в двух шагах от меня и физически подавляя своим огромным телом, нависшим надо мной, предупреждает хозяин.

А мне, вдруг, хочется заплакать. Навзрыд, от души. Не столько из-за него, сколько из-за мамы и нашего сегодняшнего разговора. Я весь день держалась, говорила себе, что все хорошо, послушно приготовила этот чертов пирог, который она попросила принести завтра, в мой единственный выходной, который я хотела провести с ней. А он взял и просто съел все подчистую. Вот гад! Никогда не заходил на кухню и не рылся в холодильнике, а сегодня, как назло, решил начать и среди кучи упакованной еды выбрал именно *мой* чертов пирог!

– Вот и увольняйте! – уже не думая о последствиях, в сердцах заявляю Тархану Артуровичу. – От этого правда не перестанет быть правдой! Может, это и ваш дом, но пирог был мой и готовила я его на продукты, купленные на свои деньги! Вы не имели права его трогать!

– Да что ты так бесишься из-за этого пирога?! – рычит он, глядя на меня, как на псих больную. – Можно подумать, я у тебя последний кусок хлеба украл! Приготовь другой, раз он тебе так нужен. В доме продуктов что ли нет?

– Да что вы вообще знаете?! Георгий утром обещал отвезти меня к маме, а я обещала ей пирог! Когда я его приготовлю? Или вы думаете, что у меня тоже есть личная машина с водителем, которая может доставить меня в город из этой глуши? Если не заметили, автобусы тут не ходят!

– Ну все, ты доигралась! – сердито раздувает ноздри хозяин. – Я никому не позволяю так с собой говорить и какой-то жалкий пирог не оправдание твоему дерзкому рту! Чтобы утром духу твоего здесь не было, поняла? Ты уволена!

– Вот и прекрасно! – кричу, что есть мочи, срываясь на злые слезы и сжимая кулаки, которыми хочется раздолбить его страшную рожу. – Уйду с удовольствием от такого распрекрасного работодателя, как вы! И если мой пирог жалкий, то не стоило его есть! В-вы... Вы... Обжора невоспитанный!

Отвернувшись, пока и правда не напала на него, рискуя быть убитой этим злым узурпатором и тираном, я бегу в свою комнату и сразу же начинаю собирать свои вещи в единственный чемодан, с которым год назад приехала в этот дом.

Давно было пора уволиться, а не терпеть этот дурдом! Я себе другую работу, что ли, не найду? Да с легкостью! Лучше работать за меньшие деньги, зато там, где о тебя не вытирают ноги и не считают пустым местом. Козел! Это я еще не все ему высказала, надо было быть пожестче. Жаль, что у меня от ярости из головы все вылетело в тот момент, а то я многое ему припомнила бы и рассказала о всех его недостатках. И правильно Карина Васильевна сделала, что ушла от этого мерзавца! Таким вообще нужно запретить жениться, а в идеале – изолировать от людей, чтобы не травмировал их психику своей больной головой и манием величия. Нет, ну что за придурок, а?! Ненавижу!

Я каким-то образом умудряюсь собрать все свои вещи, кроме наряда, который хотела надеть завтра к маме и заранее разложила на стуле. Выкатив готовый чемодан на середину комнаты, смотрю на него и на меня резко обрушивается реальность.

Я должна уйти из этого дома, а возвращаться мне некуда, кроме как к маме. И к Вите. Ужасному, отвратительному Вите, который теперь обосновался в нашей квартире, как у себя дома. Нет, я так не смогу!

Именно эта новость сегодня так сильно расстроила меня. Мама в разговоре призналась, что уже пару недель, как снова сошлась с Витей и они теперь живут вместе. Попросила приготовить и принести с собой пирог, который он так сильно любит именно в моем исполнении. Знаю я, что он любит! Этот отвратительный кусок говна, а не человек! Мама встречалась с ним два года и рассталась, когда мне исполнилось двадцать, потому что он уже откровенно ей изменял, не скрываясь, и перестал приносить деньги в дом, сев ей на шею. Но даже задолго до этого я его ненавидела, потому что Витя не скрывал своего интереса ко мне. Откровенно не приставал, потому что я четко давала понять, как презираю его, но нужно быть полной дурой, чтобы не замечать его взгляды и якобы случайные поглаживания время от времени. Как же я мечтала, чтобы мама распознала его истинную сущность и как же радовалась, когда он сам перестал притворяться хорошим и проявил себя во всей красе! Ну почему она снова повелась на этого негодяя? Не могу этого понять, и тем более не могу смириться с тем, что мама ведет себя, как влюбленная малолетка без мозгов, а не взрослая женщина.

Я хотела завтра попытаться мягко поговорить с ней, открыть глаза, поэтому и приготовила пирог, чтобы задобрить, раз она меня попросила. А теперь придется вести себя, как паинька, и не говорить ничего против Вити, если хочу иметь крышу над головой. Мама выберет его, я это знаю, так что глупо надеяться на другой исход.

Боже, ну зачем я только открыла свой тупой рот? Нужно было промолчать и приготовить другой пирог, либо вообще идти в гости без него! Теперь я не только лишилась работы, но и поставила себя в ситуацию, когда вынуждена проситься жить с мамой, переживающей вто-

рой медовый месяц. Не знаю даже, что может быть хуже этого. Дерьмовее ситуации просто не придумаешь.

Глава 9

У меня встал на горничную. Нет, не так. У меня встал на взбесившуюся бабу! Вот так, сходу. Несмотря на пустые яйца и дикий недосып. И не просто член встал, еще и в мозгу что-то зашевелилось, а такого давно не случилось. Слишком давно.

Я думаю об этом, пока пытаюсь заснуть, думаю об этом утром, пока тренируюсь, потом в душе и вот, картинка в душе начинает формироваться в очень живую фантазию, но я отказываюсь передергивать с мыслями о потерявшей берега горничной. Этого мне только не хватало!

Когда выхожу из спальни и спускаюсь вниз, предо мной, как черт из табакерки, неожиданно выскакивает Георгий.

– Жора, ты чего такой дерганый с утра?

– Доброе утро, Тархан Артурович! – здоровается он. – Я бы хотел поговорить с вами, если у вас найдется пять минут.

– Ну давай, – соглашаюсь я. – Будешь говорить, пока я ем, у меня сегодня весь день расписан.

– Дело в том, – начинает мажордом, когда я устраиваюсь за обеденным столом. – Что Альбина сегодня сообщила мне о своем увольнении. Она призналась, что нагубила вам.

– Так и было, – подтверждаю я. – Девчонка забыла свое место. Я такого ни от кого не потерплю, ты знаешь это, Жора.

– Разумеется, Тархан Артурович. Однако, я все же осмелюсь сказать пару слов в ее защиту. Я не оправдываю поведение Альбины, она сама признала, что на эмоциях совершила непростительную глупость, но так как она хороший работник, обычно не позволяющий себе ничего лишнего, я прошу вас в качестве исключения дать ей второй шанс.

– Почему она сама не пришла ко мне извиниться, а послала тебя?

– Она не просила меня вступаться за нее, – еще больше расправляя плечи, говорит Жора. – Это моя личная инициатива, о которой ей пока не известно. Я просто не хочу терять хорошего работника. Альбина очень сдержанно себя ведет и не болтлива, что обычно свойственно женщинам. Я ценю такие качества в людях.

– Эх, Жора, Жора, – посмеиваюсь я, понимая, где собака зарыта. – Так ты беспокоишься о собственном удобстве, а не о ее судьбе?

– Не вижу в этом ничего плохого, – заявляет Георгий. – Я предпочитаю работать в комфортных условиях. Сейчас трудно найти молодую девушку, которая умела бы держать рот на замке и прилежно работать, не болтаясь по всему дому без дела.

На самом деле мне плевать на удобства Жоры. Никому не позволено говорить со мной неуважительно, такое я не спускаю с рук, но девчонка меня заинтриговала. Мне любопытно. Это разовая акция или в ней действительно что-то есть? Я хочу проверить. Поэтому решаю уступить.

– Хорошо, Жора, раз ты впервые у меня что-то просишь, я пойду тебе навстречу. Пусть Альбина вечером зайдет ко мне и лично извинится.

– Спасибо, Тархан Артурович, – едва заметно кивает Георгий.

А потом лично обслуживает меня за завтраком.

Когда Георгий заявляет, что поговорил обо мне с хозяином и я могу остаться, мне хочется его расцеловать. Естественно, я сдерживаюсь, потому что он этого не оценит, и благодарю его от всей души словами. Я готова извиниться перед Тарханом Артуровичем вечером, потому что тоже была не права.

Мы с Георгием выезжаем вместе в город и он довозит меня до дома мамы. Я без пирога, так как физически не успела бы его приготовить, но взамен покупаю торт из кондитерской,

которая находится недалеко от дома, заодно и прогуливаюсь по району, оттягивая, как могу, встречу с Витей.

– Аля, как давно мы не виделись! – обнимает меня с фальшивой улыбкой этот урод, словно безумно рад нашей встрече. – Ты совсем не изменилась.

– А ты вот изменился, – выдавливаю из себя такую же фальшивую улыбку, злорадствуя, что у этого престарелого мачо появилась солидная такая лысина на голове. Помнится, он всегда трепетно ухаживал за волосами и очень гордился своей густой рыжеватой гривой.

Мама бросает на меня острый взгляд, когда замечает торт вместо пирога, но при Вите ничего не говорит. Приходится высидеть в их компании пару часов, прежде чем мы с мамой остаемся наедине. Она даже не упрекает меня за пирог, когда я объясняю, что его кто-то съел ночью, что меня очень удивляет, но у нее хорошее настроение, так что мне повезло.

– Мам, почему ты снова с ним? – не могу удержаться от вопроса, потому что сегодня Витя своим поведением и похабными взглядами на мое декольте доказал, что ничуть не изменился.

А я ведь надела водолазку под горло!

– Я так любила его когда-то, – вздыхает мама. – Такие чувства не забываются, Аля. Ты бы поняла, если бы в твоей жизни хоть раз случилась такая любовь.

Ну вот, снова она об этом. У мамы всегда самый важный аргумент заключается в том, что она любит. Сережу любит, Артема любит, Витю вон любит. А я так, дурочка, которая никогда не влюблялась, поэтому мне не понять. Мой двухлетний роман с бывшим одноклассником она в расчет не берет. Словно его и не было. Словно я не была влюблена в него до безумия, пока он не изменил мне и мы не расстались. Словно не я несколько месяцев не могла выйти из депрессии, страдая из-за своей несчастной первой любви. Конечно, для нее все это ерунда. Мама всегда обесценивает чужие чувства, ведь нет ничего важнее ее великих чувств и переживаний.

– Ты могла бы найти кого-нибудь получше, – говорю с ней на ее языке. – Ты ведь красавица, мам. А Витя уже не так хорош, как раньше.

– Для меня он самый красивый! – заявляет мама, но от моего комплимента ей приятно, я вижу это по ее лицу. – К тому же, приятно чувствовать себя королевой рядом с таким мужчиной. У Вити сейчас новая должность, женщины вокруг него так и вьются, но я его не отдам! Мы летим на отдых в следующем месяце. В Дубай, представляешь?

Ах, Дубай... Понятно теперь, почему она такая взволнованная. Мама всегда мечтала там отдохнуть, но денег у нас даже на Сочи никогда не было, потому что она не умеет копить и слишком бездумно тратит, а моя зарплата погашает наш кредит.

Я не порчу ей удовольствие, а себе настроение очередной ссорой. Если попытаюсь открыть ей глаза на Витю, она обвинит меня в том, что я не желаю ей счастья. Такое уже было. Когда мне было шестнадцать, мама встречалась с Сережей и он ко мне приставал. Я рассказала ей и мама мне поверила, рассталась с этим извращенцем, но потом долго еще винила и наказывала меня молчанием и безразличием, пока в ее жизни не появился следующий мужчина. Я знаю, что она меня любит, но мама сложный человек. Инфантильный, самовлюбленный, капризный. С ней сложно и я стараюсь не усугублять, вот и терплю, молчу, пока она сама не осознает и не поймет. Так и в этот раз. Попрощавшись с ней, еду обратно в дом Давыдовых, жалея, что теперь из-за Вити не могу в выходной день ночевать с мамой, как раньше. К тому же, нужно еще извиниться перед Тарханом Артуровичем, как бы неприятно это не было. Слава Богу, что он согласился меня не увольнять!

Максим звонит мне, как только я доезжаю до дома. Я иду сразу в спальню, чтобы переодеться, разговаривая с ним по громкой связи в процессе.

– Как там Лиана? – спрашивает он после того, как мы обсуждаем дела.

– Нормально. Я нечасто ее вижу. У девочки есть своя карта, личный водитель с охраной, так что она меня не беспокоит по пустякам.

– Понятно, – задумчиво тянет брат. – Тархан, а ты не думал... Хотя что это я, Попа все равно нет, не бери в голову.

Он не озвучивает, но я понимаю, что пытался сказать Макс. Теперь, когда я официально разведен, Лиане неприлично оставаться под моей крышей, но Попов распорядился оставить все, как есть. Она его дочь, так что я не спорю, хотя и понимаю риски. Вернувшись, он вполне может потребовать, чтобы я женился на ней, раз уж с Максом не выгорело, но этого не случится, потому что Лиана мне совершенно неинтересна и силой в ЗАГС меня не загонишь, я же не какая-нибудь шестерка без собственного мнения.

– Кстати, Карина мне снова звонила, – меняет тему брат. – Все еще умоляет повлиять на тебя, чтобы ты разрешил ей вернуться в город. Болотников не может вечно отсутствовать, у него здесь бизнес.

– А мне похуй, это их проблемы. Шли ее куда подальше в следующий раз и заблокируй номер.

– Да я с первого раза так и сделал, только это не помогает, – хмыкает он. – Она все равно звонит через знакомых, кто же знал, что у нее столько верных подружек.

Вот зараза, брата моего достает! Я-то свой номер сменил, хоть это и создало неудобства, но Макс поступить так же не хочет.

– Ладно, к черту ее, скоро успокоится, – только и могу сказать. – Ты приедешь, как и планировал?

– Да, в следующие выходные буду у тебя. Жди.

Мы заканчиваем разговор и я иду вниз, в кабинет, где провожу два нудных часа, копаясь в очередной горе устаревшей хуйни из архива общины, когда в дверь громко стучат. Я узнаю кто это по одному только звуку удара костяшек о дерево, потому что лишь одна обманчиво робкая горничная так стучится с того момента, как застала меня трахающим мою жену в этой же комнате.

– Войдите! – с трудом сдерживаю предвкушение.

Альбина заходит так, словно ее силой кто-то притащил сюда. На лице страдальческое выражение и я точно могу сказать, что она не хочет передо мной извиняться. Неблагодарная нахалка, да она вообще понимает, какой шанс ей предоставили? Ни один человек в моем подчинении такого не получал, а эта еще и недовольна. Почему-то, от ее такого отношения у меня сразу же начинает твердеть в штанах. Ну что за блядство?!

– Добрый вечер, Тархан Артурович, – опустив глазки в пол, лепечет девчонка.

Ни разу не взглянула мне в лицо, как зашла сюда. Боится? Или пытается скрыть неприязнь?

Я молчу, не отвечая, и это заставляет ее на секунду поднять взгляд, но она снова быстро прячется, нервно комкая свое серое платье-униформу по бокам. Оно уродливое и бесформенное, но я знаю, что как минимум, под ним скрывается хорошая, крепкая попка. Мой интерес все больше растет. Что еще скрывается под этим платьем? Я ни разу не видел ее в одежде по фигуре, но она выглядит стройной.

– Я хотела извиниться за свое поведение и поблагодарить вас за то, что дали мне еще один шанс, – продолжает говорить Альбина, не дождавшись от меня ни слова.

Ее это напрягает, ей неловко, а я наслаждаюсь, глядя на то, как она теряется и не знает куда себя деть. Ее светлая кожа покрывается румянцем, длинные ресницы подрагивают, а руки все больше и больше комкают платье. Я представляю, как подхожу к ней и хватаю за тугий узел волос, собранных в строгую прическу на затылке. Почти слышу ее испуганный вскрик, широко распахнувшиеся в панике глаза и приоткрытый из-за боли от натяжения волос, рот. Вижу, как мои пальцы смыкаются на хрупком, беззащитном горле, перекрывая ей воздух и заставляя опуститься на колени...

– Тархан Артурович? – резко обрывает видение ее голос.

Она ждет ответа.

Бля, все еще серьезнее, чем я думал! Мне реально хочется вьебать ее в ковер, это не просто случайная фантазия. Член дергается, как только я представляю эти пухлые губы, обернутые вокруг моей длины, и полные слез карие глаза. От нее так явно воняет неприязнью, что это будит зверя во мне, жаждущего подчинения и почитания. Девчонка сама провоцирует меня своим отношением.

– Вы меня слышите?

– Слышу! – отвечаю резко, сжимая пальцы на подлокотниках кресла, чтобы не кинуться на нее. – Я жду, когда ты уже начнешь извиняться.

Она заявила, что хочет извиниться, но не извинилась напрямую. Я заметил. Еще одно проявление ее самолюбия и гордыни.

От того, как перекашивается ее лицо, я понимаю, насколько ей сейчас неприятно. Это доставляет мне извращенное удовольствие.

– Извините, что проявила к вам неуважение, – выдавливает из себя девчонка, глядя куда-то в район моей груди. – Этого больше не повторится.

– В лицо мне смотри, – требую я, почти улыбаясь от того, каким возмущением пылают ее глаза, когда она, наконец, прямо встречает мой взгляд.

Ох, девчонка, я же тебя живьем съем!

Глава 10

Я чувствую, как по коже бегут мурашки и в груди давит тяжестью формирующейся тревоги. Это уже не просто нервы, я слишком явственно ощущаю, как с каждой проходящей секундой, пока тяжелый взгляд Тархана Артуровича сосредоточен на мне, воздух в комнате сгущается. Мне хочется сбежать. Плевать, что это не логично. Что он ничего не делает, никак мне не угрожает. Инстинкты вопят, что я в опасности, что нужно бежать в безопасность, но я стою, словно примерзнув к полу, чувствуя, как тяжело дается каждый вдох, пока его острый взгляд скользит по моему телу, беззастенчиво изучая.

– Тархан Артурович? – облизывая пересохшие губы, снова подаю голос, потому что его молчание пугает.

Я смотрю ему в лицо, как он и приказал, но не могу долго выдержать взгляд этих черных, дьявольских глаз. Мало кто смог бы.

– Подойди, Альбина, – неожиданно хриплым голосом требует хозяин.

– Зачем?

– Затем, что я так сказал.

Я делаю несколько шагов вперед и останавливаюсь прямо перед его массивным столом. Он продолжает молча рассматривать меня, превращая в пытку это бесконечное ожидание. Что на него сегодня нашло? Или это такой способ поставить меня на место? Я уже извинилась. Повторять снова не буду, хватит с него.

– Я могу идти?

– Нет, мы не закончили, – следует резкий ответ. – Скажи-ка мне, Альбина, тебе нравится твоя работа?

– Да, меня все устраивает, – говорю я, потому что едва ли кто-то может с любовью относиться к работе горничной.

– И тебе не хочется чего-то большего? – допытывается он, словно его правда интересует моя жизнь.

Что сегодня нашло на этого мужчину? Может, ему скучно и он решил поболтать с горничной? Как-то слабо верится.

– Хочется, но пока я довольна тем, чем занимаюсь.

– И чего же именно тебе хочется, Альбина?

– Тархан Артурович, я не понимаю, к чему все эти вопросы? – стараюсь сохранять спокойный тон, не выдавая своей нервозности.

– Может, мне любопытно, о чем мечтает такая девушка, как ты, – усмехается он.

Мне не нравится его неожиданный интерес и желание поговорить. Тархан Артурович не из тех людей, которые любят поболтать, и тем более не с прислугой. Мы для него всегда были чем-то вроде мебели. Но и провоцировать его грубыми ответами я не могу, поэтому стараюсь отвечать односложно и по минимуму.

– Я хочу быть дизайнером-модельером, – говорю, как есть, не вдаваясь в подробности.

– Ты где-нибудь учишься?

– Нет.

– Планируешь?

– Не знаю, пока нет.

Он вздыхает, явно разочарованный моими лаконичными ответами, и цокает языком.

– Аля, Аля, какая ты несговорчивая...

Я заставляю себя промолчать. Не напоминаю, что меня зовут Альбина и что мне не нравится такая внезапная фамильярность. Тревога все больше нарастает, я не хочу быть объектом его интереса, какими бы не были его мотивы, это до смерти пугает меня.

Когда хозяин поднимается со своего кресла и обходит стол, приближаясь ко мне, я едва заставляю себя стоять на месте и не убежать. Он действительно страшный мужчина, слишком высокий, слишком массивный, чтобы чувствовать себя в безопасности рядом с ним, не говоря уже о его бешеном темпераменте, который угадывается даже в том, как он двигается и говорит, даже в спокойном состоянии. Я не верю, что он прикоснется, мозг до последнего цепляется за нормы поведения обычного человека, хотя дикий взгляд Тархана Артуровича должен был бы подсказать о его намерениях, но я просто не учла, что он не обычный человек. Вот почему, когда хозяин протягивает руку и хватает меня за талию, привлекая к своему твердому телу, я едва не задыхаюсь от шока. Дергаюсь в сторону, пытаюсь вырваться, но он не отпускает. Его огромные руки крепко удерживают меня в своих тисках.

– Тархан Артурович, отпустите меня! – каким-то высоким и тонким от испуга голосом кричу я. – Что вы делаете?!

Мне кажется, я сейчас задохнусь от гипервентиляции. Сердце бешено колотится от прилива адреналина, меня охватывает паника и я, не помня себя от страха, начинаю толкать этого дьявола в грудь, пытаюсь вырваться любой ценой. И он внезапно отпускает. Так резко, что я валюсь на задницу, не удержав равновесия, и начинаю инстинктивно отползать назад. Предчувствия не обманули, я в опасности. В большой-большой опасности.

– Да что ты нервная такая? – смеется мужчина, глядя на меня сверху вниз. – Вставай, не ушиблась?

Он протягивает мне руку, словно ничего странного не произошло, словно он просто неудачно подшутил надо мной, уже не такой напряженный, как секунду назад, но я не верю. Не знаю, что именно он хотел сделать, но я ему не верю, я уже видела этот взгляд у мужчин. У того же Вити, который смотрел на меня, как на добычу.

Естественно, я не принимаю его руку. Встаю сама и пячусь назад, к двери. Подальше от него.

– Альбина...

Я не слушаю. Просто разворачиваюсь и бегу, напрямик в свою комнату, где есть замок, где я могу запереться. Только когда дверь накрепко закрыта, я прислоняюсь к ней спиной и с трудом восстанавливаю дыхание, постепенно приходя в себя от страха, которого нагнал на меня хозяин. А если бы он меня не отпустил? Что тогда? Я была совершенно беззащитна перед этим страшным человеком. И чего он прицепился ко мне?

Кое-как успокоившись, я ложусь пораньше спать, решив обдумать свои дальнейшие действия на свежую голову, а наутро, как ни странно, ситуация уже не кажется мне такой острой. Может этот придурок просто решил надо мной подшутить, а я испугалась, словно меня там насиловать собрались. Он ведь просто посмеялся надо мной. Возможно, захотел таким образом отомстить за то, что я его отчитала и нахамила из-за чертового пирога.

– Софья, подай завтрак, а ты, Альбина, приберись в спальне, – раздает нам задания Георгий после того, как мы сами позавтракали.

– София меня зовут, – напоминает Соня, что стало уже привычкой.

Георгий упрямо называет ее Софья, а она упрямо его поправляет. Пока никто не одержал верх в этом споре.

Обрадовавшись, что не придется сталкиваться с хозяином лицом к лицу за его завтраком, я поднимаюсь на второй этаж. Сначала убираюсь в ванной комнате, где все еще пахнет гелем для душа, запах которого мне очень нравится. Мы с Соней пришли к выводу, что вкус на парфюм и средства для ухода у Тархана Артуровича прекрасный, потому что нам обоим нравится послевкусие ароматов, остающихся в его ванной и гардеробной после того, как он уходит по утрам.

Закончив с ванной, я меняю постельное белье и быстро завершаю уборку. После отъезда Карины Васильевны, наводить порядок в хозяйской спальне стало гораздо легче, потому что никто больше не разбрасывает беспорядочно вещи и не пачкает поверхности косметикой. Но надо признать, я скучаю по ее шикарной одежде, которую имела удовольствие рассматривать и даже трогать. Соня этого не понимает, но моя любовь к одежде – это то же самое, что и любовь художников к искусству. Я тоже творец, только не картин и скульптур, а предметов гардероба.

Когда, проводив грустным взглядом пустующие теперь полки шкафов, я уже собираюсь выйти из гардеробной, дверь открывается и заходит хозяин с пятном от кофе на светлой футболке, которую стягивает с себя на ходу. Он не сразу меня замечает и я до ужаса смущаюсь, увидев его полуголым, но даже не думаю рассматривать, быстро отводя взгляд в сторону и неловко откашливаясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.